Река Времени

Автор:
Александр Ли

Река Времени

Александр Валериевич Ли

Прошлое и настоящее идут рука об руку, и для того чтобы идти вперед, требуется отпустись то, что тянет нас назад. Герой книги меняет свою жизнь, пытаясь вырваться из болота прошлого и познать себя в реальном настоящем.

Александр Ли

Река Времени

Пролог

Ранней осенью Зона выглядит, как и вся нормальная природа: буйство красок, растительности, умиротворяющая тишина и спокойствие, располагают к тому, чтобы прилечь на траву, сорвать какую-нибудь былинку и увлечённо пожёвывая её, смотреть на облака, выстраивая из них воздушные замки и парусные корабли.

В этой тишине, есть то, что называют одухотворённостью или нирваной, кому как нравится. В такие моменты вспоминаешь свою прошлую жизнь, подолгу представляя то, где был, что делал и как делал. Хочется вспомнить о том, что ты находился там, где фраза «сходил в лес за грибами», представляет собой,

просто значение этой фразы: что просто сходил, просто в лес и именно за грибами. А не красться по непролазному чащобнику, обкидывая подозрительные места болтами, при этом ещё и вслушиваться в исходящие из зарослей непонятные звуки и посматривая на навигатор.

Но в Зоне, таких расслабляющих моментов просто не бывает, а если и случаются, то только у костра, в деревне, на границе периметра. Романтики внутри Зоны не выживают, потому, что невозможно любоваться природой, умиляться от местной фауны, мечтать о высших материях и в тоже время отстреливаться от той же фауны, обшаривать мёртвых искателей приключений и не тронуться умом от этой человеческой грязи и равнодушия. Поэтому романтиков здесь нет.

Если бы любому вменяемому человеку, не совершившего в своей жизни ничего противозаконного, сказали, что он сможет убивать и мародёрствовать, как минимум он в это не поверил, как максимум тот, кто пообещал ему такие поступки, получил бы по физиономии. Но инстинкт выживания делает своё дело. И тот, кто дома, за всю свою жизнь мухи не обидел, внутри Зоны становится или матёрым сталкером, знающим и умеющим всё или погибает. Это естественный отбор: он был, он есть, он будет. Именно поэтому романтиков здесь нет.

Глава 1

1

Небо было, безмятежно синего цвета, местами разбавленное робкими барашками облачков. Птицы, самозабвенно пересвистывались на все лады, радуясь ещё одному солнечному дню. Природа находилась в том состоянии, которое называют – томлением. Кажется, прекратились все войны и конфликты. Казалось, это томление, действует на все и всех, и все живое и неживое также томится и радуется этому чудесному дню.

Нелюдь, шёл по лесной поляне, сплошь заросшей крапивой и чертополохом. Колючие головки сорняка, с радостью цеплялись за нового хозяина, видимо надеясь своим присутствием, украсить его амуницию. Он иногда останавливался и прислушивался к окружающим звукам, с улыбкой внимая, трель щебечущих пичужек. Часто доставал КПК и всматриваясь в него, недовольно хмурился. До кромки леса, оставалось каких-нибудь метров пятьдесят, когда Нелюдь взглянув на экран прибора, поменял курс и свернул направо, он двигался к зарослям ивняка, которые сизой стеной виднелись впереди.

Солнце не на шутку разгулялось и в тяжёлом защитном комбинезоне ощутимо становилось жарко, хотя стояло начало сентября, погода была, как поздняя весенняя. Он шёл не спеша, приглядываясь и прислушиваясь, лишь однажды остановился и, просканировав пространство перед собой, обошёл небольшую аномалию. Минут через сорок он подошёл к ивняку. Живая изгородь стояла перед ним как тевтонская крепость, не собираясь никого пропускать дальше, но у человека были иные задачи и видимо он твёрдо решил пройти именно здесь, а не идти в обход.

Нелюдь вздохнул, поправил автомат, одёрнул амуницию надел на голову капюшон и, затянув на подбородке его тесемки, шагнул вперёд.

Продираясь сквозь монолитный строй гибких прутьев, он не забывал поглядывать в карманный компьютер, время от времени корректируя курс и поворачивая вправо, влево, а иногда и вообще назад. Но в его движениях не было хаотичных, дёрганых действий, какие бывают, когда человек заблудился. Нет, он имел цель и шёл к ней.

Человек – существо стадное, и практически всегда, оставшись один, он начинает искать себе собеседника, друга или просто постороннего для того, чтобы излить душу, принять совет или просто поболтать ни о чём. В этом состоит вся задумка божья или природы, стадо проще контролировать и направлять в нужное русло мысли и поступки людей, потому, что толпа – это как озеро или лужа, которые проще держать в ограниченном пространстве. В противоположность толпе, одиночных индивидуумов труднее держать под контролем, поскольку один человек способен мыслить и осознавать свои действия, один человек представляет собой ручеек или реку, которые текут по своему только им одним понятному направлению.

Естественно, чтобы изменить русло реки надо приложить гораздо больше усилий. Нелюдь был рекой. В самом широком смысле. Он тёк туда, куда хотел и тогда, когда хотел. Он очень мало общался с людьми, в основном с торговцами и перекупщиками. Своё прозвище он получил не потому, что был угрюмым и нелюдимым, а по той простой причине, что он был романтиком.

2

За периметром, в ТОЙ жизни, он работал в детской школе искусств, преподавал музыку. Двадцать четыре года из своих сорока пяти лет, был женат и что называется, был самым настоящим подкаблучником. И фамилия у него была подходящая – Башмаков. Жена, называла его, Башмак.

Женился он рано, да и, то только потому, что этого хотела его мать. За него в той жизни, всё решали другие люди, где жить и как жить. Его жена не была гром-баба, нет, она была обычной худенькой женщиной, невысокого роста с жиденькими волосами и невыразительным, каменным лицом. Свои волосы она зачёсывала назад и туго стягивала резинкой, отчего её и без того жёсткое лицо принимало хищное выражение. У неё был тихий, спокойный голос, но разговаривая с ним, она, смотрела ему в глаза, не мигая, как змея и под этим взглядом он ёжился и робел. В такие моменты у него возникало желание убежать куда-нибудь, но его ноги и руки отказывались ему подчиняться и он слушал внимательно то, что она говорила, и выполнял абсолютно всё так, как она объяснила. Отчасти потому, что всегда делал всё на совесть, но главным образом для того, чтобы не видеть этого взгляда и не чувствовать предательской дрожи в ногах.

На работе, он обучал детей, игре на фортепиано, и вечерами, когда все расходились по домам, иногда засиживался допоздна, перебирая клавиши старенького пианино. Тихо играя «Лунную сонату», он погружался в свои мысли, перед ним вставали фантастические картины героических поступков, которые им совершались и, играя умиротворяющую мелодию Бетховена, он хотел убежать от своей хищной жены, от скучной, однообразной жизни и от своей душевной немощи. А потом, закончив свою грустную ноту, он брёл домой, приволакивая ноги не от усталости, а от желания подольше протянуть миг свободы, от всего, что его угнетало.

Детей у них не было, да собственно они и не особо стремились завести их. Жена всегда говорила, что не хочет иметь детей от мужа – тряпки, а он, ненавидя её в такие моменты, мысленно, соглашался с ней, приводя себе, в подтверждение её слов различные доводы. Так и существовали они, живя вместе, но находясь каждый в своём мирке.

Вскоре грянули 90-годы. Детскую школу искусств закрыли, всех учителей разогнали. Башмаков обивал пороги различных контор, но, увы, музыка была никому не нужна, в страну хлынул бум предпринимательства. У Башмакова не было волчьей хватки и жёсткой наглости, для того чтобы вести бизнес надо было уметь идти по головам, а иногда и по трупам. У него не было таких качеств. Жена требовала денег, он брался за любые шабашки, но денег не было. В конце концов, она ушла от него, сказав, «Ты был никем, им же и останешься».

От обиды и предательства он начал пить и падал на дно всё глубже, а однажды пришли дюжие парни, заставили подписать какие-то бумаги и, сунув ему в карман бутылку водки, вышвырнули из квартиры. Так он стал ничем.

Он копался в помойках, ночевал в теплотрассах, и через полгода, в грязном, вшивом человеке в засаленной рваной одежде, его не узнала бы, даже бывшая жена. Для пропитания он собирал бутылки, тряпьё и бумагу на железнодорожном вокзале, и сдавал всё это в утильсырье за копейки. Когда поживиться было нечем, и голод скручивал его пополам, Башмаков, вставал у дверей вокзала и протягивал руку. Первое время ему удавалось насобирать довольно прилично милостыни, но потом его стали гонять от дверей, сначала дежурные по вокзалу, а затем объявились свои вокзальные нищие, которые избили его, и предупредили, чтобы он там больше не появлялся, иначе убьют.

Однажды, придя на вокзал, Башмаков сел на привокзальную тумбу и вынув свои припасы в виде грязного, чёрствого куска хлеба, стал оглядывать перрон, пытаясь найти, что-нибудь, представляющее хоть какую-то ценность. Он увидел, что к нему направляются те самые маргиналы, которые пообещали его убить. Башмаков поднялся и побежал в сторону видневшихся на дальних путях, товарных составов, надеясь там, спрятаться. Оглянувшись, он увидел, что бандиты бегут за ним, определенно пытаясь его догнать.

Поскальзываясь на рельсах, он пересёк несколько путей и побежал вдоль поезда с длиннющими цистернами, затем потянулся состав с крытыми вагонами и Башмаков, увидев, что один вагон был приоткрыт, рванулся к нему, сорвавшись

несколько раз, ему удалось влезть в него. Здесь был полумрак, почти весь вагон был загружен какими-то мешками, Башмаков протиснулся в проход между мешками, сел на пол и затих. «Будь, что будет» решил он. Сидя между мешков, он ждал, что будет. Снаружи было тихо. Он решил пока не вылезать.

Минут через тридцать, послышались шаги и невнятный разговор, «Ну все, нашли, сейчас убьют» мелькнула у него мысль. Шаги приблизились к его вагону, и затихли у двери. Человек возился возле вагона, поминутно чертыхаясь. Затем раздался скрежет закрываемой двери и лязгнул засов. «Ну и черт с ними, пусть везут куда хотят, все равно один конец» подумал он и решил ехать куда угодно, лишь бы хоть как-то поменять свою никудышную жизнь. Он удобно устроился на мешках и постепенно, его сморило, проснулся он от толчка вагона, потом почувствовав, что вагон двигается, Башмаков понял, что состав поехал, и он тоже.

3

Продравшись, наконец, через гибкие и цепкие прутья, Нелюдь вышел к такой же поляне, от которой пришёл сюда. Негромко пискнул КПК, Нелюдь взглянул на экран, затем посмотрел вперёд. Перед ним был ровный круг выжженной земли, воздух над этим кругом дрожал и потрескивал. «Ага, «сковородка», подумал он. Обкидав периметр «сковородки» болтами, Нелюдь обошёл её, и вновь взглянув на прибор, взял курс левее.

Солнце распалилось не на шутку, хорошо хоть двигался он не быстро, птицы, словно проживая последний день, свиристели на все голоса, вдалеке послышался визг кабана, затем раздался резкий чмокающий звук и визг смолк. «Сюрприз» сработал, надо поторопиться, а то набегут на останки всякие зверушки», подумал он. Начинался холм, идти становилось труднее, репьи цеплялись с ещё большей ожесточённостью и комбинезон походил теперь на огромного ежа. Пот заливал лицо, всё тело вплоть до колен было мокрым, но снимать комбинезон было нельзя, счетчик Гейгера в КПК нехорошо потрескивал.

Взобравшись на вершину, Нелюдь увидел, внизу, метрах в ста от холма, начиналась она, та самая траншея. Он достал бинокль, смахнул с лица ладонью пот и приложил оптику к глазам. «Траншея как траншея. Странно только каким

образом она тут появилась и что самое странное, она ведь уходит в глубину» думал он, изучая в бинокль этот «Тоннель дьявола», как называли эту траншею те, кто пытался здесь пройти. Тех, кто пытался изучить эту траншею, больше никто не видел.

Много было баек и россказней, про нее: одни говорили, что это прямой путь на тот свет, другие утверждали, что в конце этого тоннеля россыпи невиданных, чудесных артефактов с невероятными свойствами, третьи, взахлёб рассказывали о страшных мутантах, которых видели лично. Только странно, что ни одни, ни другие, ни третьи не приносили никаких доказательств в подтверждение своих слов. Убрав бинокль, Нелюдь снял с плеча автомат, осмотрел его, проверил магазины и, повесив калаш на грудь, начал спуск по холму.

Глава 2

1

Постепенно все его тревоги улеглись и под мерный перестук колёс и покачивание вагона, Башмаков уснул. Снилась ему прежняя жизнь: спокойная, размеренная, тихая. В сон вплеталась музыка Бетховена, под монотонную речь жены с её змеиным взглядом и обликом дежурного по вокзалу. Сколько пребывал в забытьи, он не знал, но проснулся от тишины и отсутствия стука колёс. В вагоне было темно, от неудобной позы у него затекла спина, а в ногах побежали мурашки. Напоминая о себе, начинал потихоньку урчать желудок.

Потянувшись, он встал и пошел к двери, пытаясь на ощупь ее найти. Вдруг он услышал вдали шум шагов, кто-то шёл вдоль состава и очевидно открывал вагоны, лязгая железом засовов. Башмаков притих, вот громыхнул засов и на его вагоне, человек, открывший вагон, пошёл дальше.

Переждав пока хруст шагов по щебню затихнет вдали, он осторожно добрался до двери и, разминая свои затекшие, онемевшие органы, принялся ощупывать мешки, в надежде найти что-нибудь съестное. Однако они были так плотно

сложены, что понять, что в них находится, было совершенно невозможно. Тогда он вынул из кармана драного плаща перочинный нож и, открыв его, ткнул в ближайший мешок. Из него что-то посыпалось, подставив ладонь Башмаков, попробовал это сжать и понял, что это цемент.

Вздохнув от неудачи, он подошёл к двери и, взявшись за скобы, попробовал осторожно ее открыть, но дверь не поддавалась, тогда он резко дернул ее на себя. Дверь с диким грохотом и визгом отъехала назад, а Башмаков от неожиданности по инерции грохнулся на пол. За дверью была ночь.

– Что там ещё за чёрт! Семёнов, Рябченко, проверить! – Крикнул вдруг в наступившей тишине резкий голос.

Башмаков услышал как слева, в сторону его вагона загромыхали тяжёлые, быстрые шаги. Поняв, что сейчас его сцапают, он спрыгнул вниз и нырнул под вагон, на карачках переполз через рельсы и кинулся в ночь, спотыкаясь на камнях.

Оглянувшись, он увидел мечущиеся лучи фонариков и сквозь скрежет камней под ногами услышал крик:

– Вон он, к четверке побежал! Да стреляйте же, мать вашу! – Позади него раздался грохот автоматных очередей, и где-то, совсем рядом, зачмокали пули, высекая искры из щебня.

Башмаков испытавший шок от того, что по нему стреляют, остановился было, но потом, поняв, что от тех, кто стреляет без предупреждения, ничего хорошего ждать не приходится, припустил ещё быстрее. Сзади вновь раздались выстрелы, но он уже выскочил с железнодорожных путей на землю и побежал, не выбирая дороги.

2

Спустившись с холма, Нелюдь остановился, прислушался к своим ощущениям и двинулся дальше.

Чем ближе подходил он к траншее, тем темнее становилось вокруг, сначала, как будто накинули лёгкое покрывало на небо, пройдя ещё метров двадцать, сталкер понял, что солнце исчезло совсем, а когда он приблизился к тоннелю вплотную, вокруг него сгустились сумерки и, воздух стал как будто бы осязаемым.

Нелюдь стоял перед длинной, глубокой, уходящей вниз траншеей. С виду это был обычный овраг, с лопухами, крапивой и прочей сорной растительностью. Причём на первый взгляд, он не казался обитаемым, во всяком случае, не видно было никаких следов пребывания живности: ни тропинок, ни обломанного кустарника, ни поваленной травы.

«М-м-да, невесёленькая канавка, хотя судя по рассказам это ещё прелюдия», подумал он. КПК молчал, аномалий не наблюдалось. Сняв автомат с предохранителя, и передернув затвор, он шагнул вперёд. Здесь, в самой траншее воздух был насыщен прелью и влагой, такое ощущение будто идёшь по подвалу с плохой вентиляцией и, ещё здесь совсем не было солнечного света, стоял глубокий полумрак.

Нелюдь остановился, ожидая, когда глаза привыкнут к темноте и когда зрение немного адаптировалось, двинулся вперёд. Шёл он медленно, раздвигая высокие заросли лопуха и не забывая смотреть под ноги. Пройдя метров двадцать, он остановился, отстегнул от пояса флягу и отвинтил крышку и, немного запрокинув голову, сделал глоток. Взглянув наверх, он испытал шок. Прямо над его головой расстилалось звёздное небо! «Вот это да! Всё чудесится и чудесится.» подумал Нелюдь. «Если так дальше пойдёт, глядишь, чего доброго и снег ещё повалит!» Услышав какой-то шорох, глянул вперёд, но всё было тихо. Он вновь посмотрел вверх и дёрнулся как от удара, на сей раз, над ним сияло солнце! «Так, я сюда пришёл, не для того, чтобы любоваться аномальными погодными явлениями! Так, что вперёд!» С этой мыслью он шагнул в неизвестность.

3

Башмаков бежал в ночи, не видя перед собой ничего, рискуя споткнуться и свалившись, сломать себе шею. Задыхаясь, он несся вперед, пока не затихли за

спиной крики и выстрелы. Он остановился и на слух, убедившись, что никто его не преследует, отдышался, достал из кармана плаща, коробок спичек и, чиркнув, огляделся. Вокруг него был лес, скорее это был не лес, а заросли крапивы и молодого березняка.

Благоразумно решив, что ночью не следует шататься по незнакомой местности, Башмаков прислушался, вокруг стояла ночная тишина, трещали сверчки, далеко впереди ухнул филин. Башмаков поняв, что идти сейчас все равно некуда, притоптал крапиву, лег, натянув на себя плащ, и свернулся калачиком. Привычная жизнь опять круто изменилась, еще совсем недавно он был человеком, потом стал люмпеном, а теперь вообще оказался неизвестно где и что делать дальше, не представлял абсолютно. Усталость брала свое, его мысли и переживания постепенно путаясь и обрываясь, стали затихать. Дрема одолела его и он уснул.

Проснулся Башмаков от ощущения пустоты в желудке, очень хотелось есть. Открыв глаза, он сначала не понял, где находится, потом вспомнил все злоключения, которые произошли накануне и как-то даже всхлипнул, жалея себя.

Над ним было серое, пасмурное небо, по которому плыли такие же пасмурные лохмотья облаков.

Послышалось бурчание башмаковского желудка, почти сутки в нем ничего не было, и он требовал пищи. Его тело, занемевшее за ночь, хотело размяться.

Поднявшись на ноги Башмаков осмотрелся. Перед ним практически до горизонта шло заросшее сорняком и молодыми деревцами поле. Справа виднелся плотный еловый лес, из которого доносилось противное карканье вороны, слева поле уходило вниз, постепенно переходя в овраг. За оврагом вновь начиналось поле и за ним виднелись какие-то постройки.

Желудок вновь дал о себе знать. Пошарив по карманам, бродяга вынул давешний кусок черствого хлеба и принялся грызть его, размышляя попутно, кто виноват, и что делать дальше. Быстро доев свой скудный завтрак, бывший учитель музыки, решил искать жилье.

Поскольку в топографии он не разбирался, то решил идти через поле, держа курс на увиденные строения.

Сквозь неприветливые облака проглянуло солнце, сразу озарив местность своими ласковыми лучами. Башмаков, зажмурившись, подставил солнышку лицо и, улыбаясь, думал о том, что несмотря ни на какие передряги, он жив и это главное. Солнце укрылось за серым одеялом и вокруг вновь стало хмуро и неуютно.

Башмаков двинулся вперед. Идти через заросли сорняков было тяжело, крапива жгла руки, сухие репейные головки цеплялись за все, что можно. Через полчаса штурмовки, он вспотел и дышал как загнанная лошадь, и, тем не менее, подошел к оврагу. Спустившись вниз, он услышал журчание воды и, раздвинув лопухи, увидел небольшой ручей, весело бежавший по дну оврага. Башмаков с жадностью припал, к воде не думая о том, что она может быть грязной.

Вода была холодной, сделав несколько глотков, он сделал перерыв, зная, что если пить залпом, то можно легко застудить горло. Утолив жажду, он помыл руки, умылся и сел, привалившись спиной к скату оврага. Сидя здесь, в траве, слушая бурление ручейка, он снова почувствовал себя человеком. Все-таки как мало надо человеку, для того, чтобы хотя бы на миг быть довольным жизнью.

Отдохнув, он вылез из оврага, наметил направление и двинулся дальше, продолжая борьбу с сорняками. Через некоторое время он вылез, наконец, из зарослей и пошел по низкому травостою. Спустя часа полтора Башмаков, наконец, приблизился к строениям.

4

Постройки были похожи на животноводческую ферму с одноэтажными зданиями вокруг. О том, что это ферма подтверждала покосившаяся водонапорная башня. Лестница на башне давно проржавела и грозила сорваться вниз. Везде были заросли не хуже чем в поле, в силосной яме росли березы. На крыше фермы сидела стая ворон, они молча наблюдали за человеком, словно совещались, кто это и что он здесь делает.

Сама ферма выглядела очень запущенно, стекла в окнах были грязные, некоторые окна разбитые. Шиферная крыша позеленела от времени, в нескольких местах шифер провалился, обнажив ребра гнилых стропил. Вокруг стояла гнетущая тишина, ни людей, ни животных не было видно. «Странно, почему никого не видно и не слышно» подумал он, подходя ближе.

Чем ближе он подходил, тем большее беспокойство закрадывалось в душу, возникло желание развернуться и бежать отсюда. Несмотря на вошедший в него страх, он понимал, что надо узнать, где он находится и теплилась надежда, на то, что может быть ему дадут поесть. Кусок черствого утреннего хлеба давно растворился в организме и голод вновь о себе напомнил.

Но Башмаков не торопился идти, поскольку по своему горькому опыту знал, что его могут запросто прогнать, а то и тумаков надавать, поскольку своим внешним видом, он ни у кого не вызывал доверия.

Ворота фермы, заросшие сорняками и окутанные паутиной, были приоткрыты. Наконец решившись, он двинулся туда, надеясь, что кто-нибудь там точно должен быть, если не доярки, то скотник на ферме обязан находиться. Хотя по убогому, внешнему состоянию фермы он засомневался в присутствии людей.

Подойдя к воротам и поборовшись с паутиной и лопухами, не хотевшими его пускать, он прорвался внутрь, здесь был полумрак, под ногами шуршала пыльная сенная труха, в углу на боку валялась большая, ржавая тележка. Это был тамбур, в саму ферму вели еще одни ворота, тоже заросшие непонятно чем.

Башмаков дернул дверь в воротах, она со скрипом открылась, и вошел на ферму. От увиденной внутри картины он встал как вкопанный. Из его горла вырвался хриплый, сдавленный вопль как будто бы кто-то дал ему под дых и почувствовал, как на голове, волосы встали дыбом.

Глава 3

На ферме, было темно, слабый свет, падая сквозь пыльные окна, освещал то, что его испугало. Там, где в стойлах должны были стоять коровы, коров не было. Вместо них на полу лежали скелеты животных. Огромное количество скелетов! Десятки! Некоторые останки были мумифицированные и обтянуты высохшей кожей, черепа коров страшно скалили свои зубы. Провалившиеся глазницы мумий, словно бы наблюдали за человеком. Это была не ферма – это был огромный могильник. Ужас, охвативший его, еще более усилился от того, что по некоторым костям бегали огромные крысы. Башмаков стоял в шоке от увиденного зрелища, все его мысли спутались, он пытался понять, что это такое, почему так произошло. Он медленно шел по проходу и пытался совладать со своим страхом и растерянностью, от увиденного, его колотила нервная дрожь. Людей здесь не было и уже давно. Дойдя до середины фермы, учитель увидел дверь, ведущую в темный коридор. Башмаков вынул из кармана коробок, трясущимися пальцами зажег спичку и вошел вовнутрь.

По обе стороны коридора тянулись открытые двери, учитель вошел в первую слева. Здесь стояли шкафчики для одежды. Всюду висела плотная паутина. Обследовав каждый шкаф, он ничего полезного не нашел. На то, чтобы изучить остальные комнаты у него ушло не менее получаса. Единственную полезную вещь, которую он нашел, был ржавый топор. Кругом царили разруха и запустение. Башмаков вышел из коридора и вновь оказался в царстве мертвых. Он стоял среди останков и пытался понять, что же здесь произошло. Уняв нервную дрожь, учитель решил, что хватит с него на сегодня ужасов и пошел на выход. Тут он услышал со стороны ворот, в которые вошел, шорох и какой-то стук, словно кто-то перекатывает по полу бильярдные шары. Крепко сжав топор, он медленно двинулся на звук.

Подкравшись к последнему стойлу, Башмаков увидел возле мумии коровы, шевелящийся, черный комок шерсти. Он хотел крикнуть, но горло пересохло, и из него вырвался просто хрип. Услышав звук, комок перестал шевелиться и поднял голову. На учителя смотрела собака. «Господи, это всего лишь собака», охнул про себя Башмаков. Собака была вся в колтунах от свалявшейся шерсти и прицепившихся к ней репьев. Она с минуту смотрела на него изучающе, затем предупредительно зарычав, оторвала от останков коровы кусок шкуры и, пятясь назад, убралась в угол за стойло. Учитель решил не испытывать судьбу и тихо, боком двинулся к выходу.

Выйдя в тамбур, он увидел еще двух собак, таких же грязных и лохматых, которые увлеченно исследовали тележку. Услышав шум, они повернулись к нему и как по команде обе зарычали. Учитель прикрыл за собой дверь, чтобы собака на ферме не кинулась ему на спину, и крепко сжав топор, приготовился защищать свою жизнь.

2

«Сейчас кинутся», подумал он, но псины выбрали другую тактику. Они не бросились обе сразу, а принялись обходить его. Первая, была больше второй, она начала приближаться слева, двигаясь боком, и медленно сокращала расстояние до жертвы, вторая, помельче, но такая же злобная обходила Башмакова справа. Причем вторая собака словно бы боялась его, поскольку приближалась к нему в полуприсяде, поскуливая и поджав хвост, но глаза ее горели хищным, плотоядным огнем. Учитель прижался к стене, «умные твари» подумал он. Первая собака, приблизилась к нему на расстояние прыжка, остановилась и сжалась в тугую пружину, приготовившись к броску. Вторая еще только подкрадывалась, и Башмаков решил, что первая псина опаснее. Он приготовил топор для удара, и когда первая бросилась на него, он, отражая атаку, махнул топором.

Но, здесь произошло то, чего он не ожидал, первая собака, сделала свой атакующий бросок резко, но недалеко, ровно на один шаг человека. Таким образом, она вынудила человека совершить ошибку. Замах топора Башмакова пришелся в пустоту и по инерции, он, следуя за топором, потерял равновесие и упал вперед. В тот же миг обе псины бросились на него.

Он закричал, его крик, полный боли и ужаса, на миг остановил собак, но они, поняв, что от крика жертвы им вреда не будет, продолжили терзать человека. Они рвали его яростно, с сатанинской злобой, пытаясь добраться до плоти. Учитель, продолжая кричать, катался по земле и ногами отбивался от зубов рвущих его собак. Псины разорвали его старый плащ и уже полосовали свитер. В момент, когда казалось, что все уже кончено, со скрипом открылась дверь, ведущая на ферму, оттуда вывалился еще один грязный комок свалявшейся шерсти – это была третья зверюга. Обе псины, прекратили грызть Башмакова и развернулись к третьей. Третья, по-видимому, была тоже не прочь, закусить

человеком, но, две соперницы угрожающим рычанием, дали ей понять, что это их добыча. Но, третья собака не вняла их предупреждению и сделала опрометчивое движение вперед. Именно это и спасло учителя от смерти.

Две злобные твари решили, что человек никуда от них не денется, и сначала надо устранить лишнего претендента на их добычу. Они встали в угрожающую стойку и, оскалив клыки, одновременно бросились на третью собаку. Как только собаки перестали его терзать, Башмаков, сначала попытался встать на четвереньки, затем шатаясь, поднялся на ноги и огляделся. Из угла у двери доносилось рычание, визг и скрежет клыков. Учитель, понял, что у него есть шанс спастись и сначала потихоньку, а затем, ускоряясь, побежал к воротам. Псины были заняты своей соперницей и не услышали, как человек убегает от них. Он вновь продрался через лопухи в воротах и, вырвавшись с фермы, понял, что бежать по полю бесполезно, если псины погонятся за ним, то догонят обязательно, а тогда неминуемая смерть. Башмаков пулей выскочил из ворот и повернул налево за ферму.

Он оказался на площадке устланной бетонными плитами. Впереди, примерно в километре от фермы виднелись дома, по-видимому, это была деревня. Из тамбура фермы донеслось повизгивание, закончившееся предсмертным захлебывающимся хрипом. Выяснять, кто хрипит, у Башмакова не было ни малейшего желания и он, сорвавшись с места, понесся к деревне. Разодранный плащ мешал бежать и спутывал ноги, и Башмаков сорвав его с себя на ходу, бежал дальше еще быстрее, понимая, что собаки, обнаружив исчезновение добычи, могут броситься за ним вдогонку. Несмотря на сбитое дыхание, обливаясь потом и хватая ртом воздух, он бежал к домам со спринтерской скоростью.

3

Домчавшись до забора одного из домов, учитель остановился перевести дыхание. Он оперся на забор руками и стоял, хватая ртом воздух. Сердце бешено колотилось в груди, ощущение было такое, будто оно сейчас или выскочит через горло, или заклинит как старый мотор. Отдышавшись, он принялся ощупывать себя, но крови нигде не было. Старый свитер был порван, рубашка под ним мокрая от пота, тоже была разорвана. «Совсем немного и мне

настал бы конец» подумал Башмаков. Брюки тоже пострадали от зубов, но снимать их было нелепо, и он решил пока оставить все как есть. Разбираясь с одеждой, он прислушивался к окружающим звукам. Вокруг стояла тишина, слышалось лишь чириканье воробьев. Неслышно было голосов ни людей, ни животных. Казалось деревня, тоже была мертвая. «Господи, неужели здесь тоже будут мертвецы? Я с ума сойду, если увижу такое» подумал учитель. Доски забора практически сгнили и не найдя калитку, Башмаков, стараясь не шуметь оторвал две доски и протиснувшись в проем оказался во дворе дома.

Дом был большой и длинный, выложенный из белого силикатного кирпича с двумя кирпичными трубами на шиферной крыше, он стоял к Башмакову боком. С правого конца дома виднелась застекленная веранда, левее веранды находилось крыльцо, рядом с крыльцом окно. Дверь с крыльца в дом отсутствовала. Весь двор зарос травой по пояс, складывалось впечатление, что дом пустовал. Все хозяйственные постройки выглядели так же уныло. Через забор, стоял точно такой же дом и тоже нежилой. Ощущение такое, что вся деревня была покинута жителями. Несмотря на все страхи, голод никуда не делся, есть хотелось нестерпимо, и учитель решил войти в дом. Шагая осторожно и постоянно оглядываясь и прислушиваясь, Башмаков пробрался к дому, доски на крыльце были ветхие и грозили сломаться под его весом. Аккуратно по ним ступая, он вошел в дом.

Дом состоял из четырех комнат, везде была паутина и повсюду, на полу и на мебели толстый слой пыли. В первой комнате видимо находилась кухня, здесь стояла кирпичная печь в нее была вделана плита для приготовления пищи. У окна стоял стол и два стула, в углу притулился холодильник. В каждой комнате стояла своя, сложенная из кирпича печь. Кроме пыли и паутины, более никакого беспорядка не наблюдалось, мебель стояла, как и положено ровно, даже кухонная утварь находилась на своих местах. Как будто бы люди покинули свое жилище в спешке или все разом исчезли. В одной комнате стоял старый, двухстворчатый шифоньер, с одной широкой и второй узкой дверями.

Открыв широкую дверь; он увидел на вешалках одежду, мужскую и женскую. За узкой дверью, стопкой лежало уже потемневшее от времени белье. Понимая, что бывшим хозяевам вещи уже не понадобятся, он решил переодеться. Учитель нашел костюм, хотя и пыльный, но добротный, также взял себе легкую куртку из болоньи. Одевшись, он вернулся на кухню и начал шарить по шкафчикам, в надежде раздобыть еды. Не найдя ничего съестного Башмаков решил сходить в следующий дом. Порывшись в кухонном столе, он нашел нож и сразу

почувствовал себя увереннее. Сквозь пыльное окно он разглядел дорогу, которая шла через всю деревню, дорожный асфальт весь потрескался от времени, сквозь него росла трава.

Выбравшись из дома и выйдя на дорогу, он посмотрел направо. Вдоль улицы шел ряд таких же заброшенных домов. Некоторые дома заросли молодыми деревьями по самую крышу, иные были по самые окна в лопухах и крапиве. Покинутые дома действовали на него угнетающе. Казалось, они смотрят на учителя своими мутными глазами и спрашивают, за что их бросили. Повернув голову налево, Башмаков увидел вдали то, что заставило его вздрогнуть.

Глава 4

1

Люди, странные существа. Испокон веков люди старались селиться поближе друг к другу. Так возникали деревни, поселки, города и мегаполисы. Человек стремится к общности, он неосознанно хочет жить в обществе, таким образом, полагая, что ему будет хорошо, в плане моральном, в плане физическом. Оставаясь один, человек ищет других людей, но, тем не менее, в метро, в автобусе или поезде, большинство людей садятся отдельно от других. Что это? Желание выделиться из толпы, показать себя или что-то другое? Каждый сам отвечает себе на этот вопрос, но человек, который всю жизнь прожил в обществе и вдруг, оставшись один, он начинает искать других людей. Чувство единения у него еще крепко и он долго чувствует себя членом общества и он всячески старается найти это общество. Ему от этого легче, ему спокойнее. Поэтому Башмаков искал людей, он не готов был быть брошенным, как эти дома, он не хотел чувствовать себя таким же сгорбленным и старым, как эти дома. Он искал людей.

В конце деревни, над одним из домов, из печной трубы шел дым. «Неужели, люди? Господи, помоги мне» эта мысль мелькнула в голове учителя как искра в ночи. Дымок из трубы взволновал его, как если бы перед ним возникла скатерть-

самобранка с изысканными яствами. Но, памятуя о фермерских собаках, он не спешил бежать к обитаемому дому. Сунув руку в карман куртки, и нащупав нож Башмаков, сошел с дороги и пошел вдоль нее, стараясь держаться в кустах и прислушиваясь к окружающим звукам. Через некоторое время он приблизился к жилому дому. Дом выглядел так же запущенно, как и вся деревня, с той лишь разницей, что к крыльцу вела утоптанная тропинка.

Башмаков встал в лопухах у тропинки, всматриваясь и вслушиваясь, пытался выяснить, кто здесь живет. В доме и поблизости стояла тишина. Тревога вновь начала закрадываться в душу учителя. «Может, ушли куда?» подумал он и, выйдя на тропинку, не спеша пошел к дому. Подойдя к крыльцу Башмаков, увидел на входной двери огромный амбарный замок и засомневался, что дом обитаем, однако дым из трубы говорил обратное, здесь должны быть люди. Подергав замок и убедившись, что он закрыт, учитель подошел к окнам, прижался к ним лицом и, сложив ладони, попытался разглядеть внутреннее убранство дома. Затаив дыхание он рассматривал комнату сквозь грязное стекло.

– Здравствуй, мил человек! – Прозвучал голос, шедший, словно с небес. Башмаков подпрыгнул от неожиданности, из его груди вырвался испуганный вопль.

– Не пугайся, я не кусаюсь, – снова сказал голос и вновь как будто сверху. Учитель, отпрянувший от окна, поднял голову, но никого не увидел. Тут раздался шум передвигаемых предметов и шел он с чердака дома. Спустя минут двадцать, кто-то начал возиться у входной двери, послышалось клацанье открываемого замка, дверь со скрипом открылась, и Башмаков увидел на пороге старика лет семидесяти, со спутанной бородой, в старом заплатанном пиджаке и таких же брюках, на ногах у него были валенки. Валенки были такими большими, что казались одного роста со стариком.

2

– Заходи, не бойся, гостем будешь – Пригласил он учителя. – Давненько я людей не видел. Башмаков разглядев деда, даже воспрянул духом, все-таки человек – это не злобные псы. Входя в дом, Башмаков обратил внимание на то, что

наружный замок на двери висит на двусторонней петле, поэтому, когда дверь закрывалась, создавалось впечатление, что дома никого нет.

– Здравствуйте дедушка, я в лесу заблудился, вот дорогу домой ищу, – начал сочинять он. Рассказать все, что с ним случилось за последнее время, учитель не решился, мало ли, что это за дед.

– Заблудился, говоришь? Кхе-кхе, – прокашлял дед. И непонятно было его хеканье – то ли он кашляет, то ли посмеивается. Старик прошаркал в валенках через темные сени и открыл дверь в комнату.

– Проходи, сюда, я сейчас, – пригласил Башмакова дед, указав рукой в комнату. Войдя в дом, учитель замешкался на пороге, соображая, разуться или остаться обутым. Подумав, решил снять ботинки, все-таки дом жилой, да и хозяин, во всяком случае, сейчас, показался ему приветливым. В доме стоял ароматный запах жареной картошки, учитель, уже давно не евший, ощутил легкое головокружение. Остановившись на пороге в комнату, он окинул ее взглядом. Она была небольшой, в два окна, на окнах висели непонятного цвета занавески, между окон стоял непокрытый стол, на нем лежали очки, и стояло блюдце с жидкостью похожей на масло и жгутиком плававшем в этом масле. Видимо это был обычный фитиль для освещения. Рядом со столом стояли два стула, в углу на комоде, гордо восседал старый телевизор, накрытый вязаной салфеткой, у комода прислонился к стене диван, застеленный зеленым суконным одеялом. Диван был покосившийся и с одной ножкой, вторую ему заменяли два кирпича. Обои в комнате были выцветшими, с большими розоватыми цветами и птицами. У второй стены, стоял видавший виды сервант, внутри которого, как по стандарту, разместились рюмки, тарелки и всякие безделушки. На самом серванте стопкой лежали газеты, журналы и прочая макулатура. Пол был устлан вязаными дорожками.

На потолке висела люстра, с потемневшими от времени стеклянными висюльками. Четвертую стену заменял, вытертый до кирпичей, бок печки. В комнате было достаточно уютно и спокойно. Башмаков, вспомнил свой дом, жену и работу, внутри у него что-то всколыхнулось и тоска по прежней жизни, напомнила, что там он был человеком, пусть зашуганным и робким, но все-таки человеком. А теперь он никто и ничто. «Эх, вернуться бы лет на тридцать назад и тогда бы…» размечтался он.

– Ну, что стоишь? Раздевайся, вон на крючок куртяшку-то повесь и садись к столу, – прервал его мечтания голос старика.

Замечтавшийся учитель вздрогнул от голоса деда, прозвучавшего прямо за спиной. Башмаков снял куртку и повесил ее на крючок, торчавший возле выключателя, затем прошел в комнату, сел у комода и посмотрел на деда. Тот вошел с дымящейся сковородой в одной руке и с двумя ложками в другой, взяв с серванта газету, он поставил сковородку на стол, и снова ушел на кухню. Голодный учитель, увидев в сковороде шкворчащее жареное мясо с картошкой и глотая слюнки от запаха, из вежливости, старался смотреть в окно, чтобы не выдать свой голод. Старик вошел в комнату, неся в руках бутылку с сизоватого цвета жидкостью, поставив ее на стол, он вынул из серванта две рюмки и со звоном приставил их к бутылке.

3

Дед поставил стул напротив Башмакова, сел и налив из бутылки по полной рюмке сказал:

– Ну, давай, за знакомство! Меня зовут Степан Васильевич. А тебя как звать-величать?

– Меня зовут Николай Гаврилович, как Чернышевского. Великое имя – для великого человека. – С горечью ответил Башмаков.

– А ты, что же не великий? – С участием спросил дед.

– Да какой же я великий? Раньше, еще в той жизни чего-то стоил, а сейчас, я и не человек, и не личность. – Ответил учитель.

– Ну, ладно, соловья баснями не кормят, потом поговорим. Давай, есть будем.

Дед поднял рюмку, выпил, крякнул и принялся за картошку. Башмаков выпил вслед за ним и, пытаясь обуздать свою жадность, начал есть. Самогонка, предложенная дедом, отдавала керосином, но внутри уже разлилось приятное

тепло. Алкоголь на голодный желудок моментально затуманил голову, картошка с мясом, поглощаемая учителем, плотно ложилась в организме, и блаженное ощущение сытости уже наполняло Башмакова. Дед ел мало, как будто старался оставить побольше голодному учителю. Когда в сковороде осталось совсем чуть, Башмаков насытился и, отложив ложку, с благодарностью посмотрел на старика.

– Спасибо вам Степан Васильевич, за приглашение, за еду. Я ведь сюда не по своей воле пришел.

И Башмаков начал повествование о своих приключениях. Сначала он хотел просто рассказать, что с ним случилось, начиная с фермы, но, путаясь и сбиваясь, учитель выложил старику все о своей жизни. Дед слушал его молча, положив голову на ладонь, он, смотрел на учителя своими подслеповатыми, но живыми глазами. Когда учитель останавливался передохнуть, дед ждал его минуты две, а потом, переложив голову на другую ладонь, произносил «Ну-ну», и Башмаков продолжал рассказывать. Монолог получился долгим, за окном уже начало смеркаться и дед, поднявшись, сходил за спичками и засветил фитиль в плошке. Когда учитель выложил деду все про свою жизнь и поток его красноречия иссяк, в доме наступила полная тишина. Фитиль, освещавший стол, тихо потрескивал, в доме стоял полумрак, Башмаков через стол посмотрел на старика, тот молчал, и ему показалось, что он уснул, но когда учитель пошевелился, дед вздохнул и сказал:

– Да, Николай Григорьевич, жизнь тебя изрядно побила, однако, самое главное то, что живой ты остался и за это тебе надо сказать спасибо, прежде всего себе.

– В каком смысле себе? – Удивленно вскинул брови Башмаков.

– А в том смысле, что, жить-то ты хочешь, али нет? – Ответил вопросом дед.

– Конечно, хочу. – Кивнул учитель. – А причем здесь это?

– А притом, милай, что если человек хочет жить, то он и смерти в морду плюнет, лишь бы себе еще времени отмерить. Вот ты же от вояк убег? Убег! А мог бы и руки поднять, сдаюсь мол. От собак убег? Опять же убег! А мог бы забиться в угол и смерти ждать. Ан нет, не захотел помирать! Знать в тебе новый человек родился! – Показал на учителя пальцем, дед.

4

Башмаков испытал чувство искренней благодарности к человеку, который слушал и понимал его. В жизни учителя таких людей не было никогда и сейчас, сидя в темном доме, стоявшем посреди заброшенной деревни, он впервые за свое существование был счастлив. Счастлив тем, что его не оттолкнули как отверженного, накормили и стараются понять его жизнь и помочь душевным словом и добрым наставлением.

– Скажи-ка мне, Николай, ты как дальше жить-то думаешь, по правде али по совести? – Этот вопрос ввел Башмакова в ступор.

– Как это? – Не понял он.

– А так, что ежели по правде, то честный будешь во всем, даже если старуха с косой будет рядом стоять, то правду не утаишь, но, что-то ценное потеряешь: друга или товарища, или сам жизни лишишься. Потому как правда иногда, дороже всего на свете бывает. Ну, а если по совести, то, сердце тебе само подскажет, где надо правду сказать, а где ее и утаить можно.

– Утаить, это значит соврать? – Полуутвердительно-полувопросительно поинтересовался Башмаков.

– Э, нет. – Мотнул головой старик. – Утаить, это значит не сказать всей правды. Иногда бывает надо утаить, что-то маленькое, чтобы не случилось большое несчастье, так-то Николай.

Фитиль мерцал неверным, тусклым светом, по стенам комнаты плясали две человеческих тени, шел неторопливый, степенный разговор.

– Я буду стараться жить по совести, – сказал Башмаков, – хотя это будет и нелегко.

Дед встал, подошел к серванту и, открыв его, извлек оттуда холщовый мешочек, затем он взял газету, лежавшую на серванте и сел к столу. Старик оторвал от газеты полосу, развязал мешочек и извлек из него щепотку видимо табаку.

– Подымишь? – Спросил он Башмакова.

– Нет, спасибо Степан Васильевич, я не курю.

– Молодец. Ну а я подымлю, табачок то, он хорошо ум проясняет.

Скрутив из газеты длинный кулечек, дед согнул его пополам так, что в результате его манипуляций получилась козья ножка, старик насыпал в нее табак. Покрутив ее в пальцах и примяв табак, он, поднес ее к фитилю, когда бумага загорелась, дунул на нее и, потушив огонь, раскурил табак. Башмаков, не будучи курильщиком, закашлял от табачного дыма. Вокруг деда расплылся табачный туман, и из него раздался его голос:

– Скажи-ка мне, Николай, как тебя называла жена?

Башмаков замялся, но все-таки решил, ответить как есть, хотя и ждал, что старик будет смеяться над его прозвищем. Но тот, услышав ответ, даже не улыбнулся.

– Однако не уважала она тебя. Негоже человеку жить под кличкой, словно собака какая – старик задумался на минуту и произнес:– Если человек позволит, чтобы с ним обращались как с собакой, то он всю жизнь будет хвостом махать. Люди встречают по одежке, а провожают по поступкам твоим. Как поступишь, так и проводят. И главное в своей жизни – это никогда не вспоминай плохое, тогда оно не будет тяготить тебя и тянуть назад.

Старик замолчал, попыхивая козьей ножкой. В наступившей тишине слышалось лишь потрескивание фитиля. Наступило молчание, и Николай задал вопрос, давно мучивший его.

– Степан Васильевич, а вы здесь давно живете? Как называется эта деревня и вообще, что здесь случилось, где все жители?

–А ты что же, ничего не знаешь?– Ответив вопросом на вопрос, встрепенулся дед, и, получив в ответ отрицательное движение головы Николая, произнес:

–Значит, моя пора пришла рассказывать, – усмехнулся дед. – Ну, слушай.

Глава 5

1

За окном стояла непроглядная ночь. В поле, за деревней, послышался чей-то вой, начавшись с низкого тона и перейдя на высокую ноту, он тоскливо разносился по окрестностям. Легкий ветерок разговаривал с листьями деревьев, которые как будто с тихим шепотом общались между собой. Где-то в деревне раздался дикий кошачий вопль. За фермой, вдалеке, на ночном небе возникли всполохи молний, еле слышно забурчал гром. Начал моросить робкий дождик. В воздухе появился запах озона, казалось все вокруг наэлектризовано и только и ждет, чтобы разрядиться. Ветерок стал усиливаться, листья на деревьях уже не шептали, они громко обсуждали предстоящую грозу. Дождик, вначале тоже шедший почти неслышно, решил не отставать от ветра и постепенно начал прибавлять напор. Гром уже был отчетливо слышен, разряды молний начали освещать поле за фермой. К деревне приближалась гроза. В единственном обитаемом доме в деревне, тускло светились окна.

– Как называется эта деревня, не знаю, потому, что сам я нездешний. Живу здесь уже давно, уже и счет времени потерял. Ты, Николай, слышал что-нибудь про Чернобыльскую аварию?

– Конечно, слышал, – ответил учитель. – Так ведь это же было очень давно. Я, конечно, не следил особо за теми событиями, да ведь и в Чернобыльской зоне отчуждения люди не живут, – полувопросительно-полуутвердительно спросил Николай.

– Не живут, говоришь? Хе-хе, – опять то ли покашлял, то ли усмехнулся дед. – А я кто же, по-твоему, не человек что-ли?

– Так ведь в той зоне отчуждения жить нельзя, там же радиация! – Протестующе ответил учитель.

– Почему же нельзя, живут люди. Я вот, к примеру, в этой деревне давненько обосновался. Поначалу сюда многие местные жители вернулись, а те, кто нездешний был, как я, просто в пустых домах жили. А куда, скажи мне, людям было податься на Большой земле? Особенно старикам, у них там ни родных, ни близких, вот они и вернулись домой. Дома то оно все легче. Сначала нас было двадцать семь человек, которые вдвоем старик со старухой, которые и поодиночке, однако все друг другу помогали, чем могли да как могли. Я вот был самым молодым, это сейчас мне годков с лихвой, а раньше то… – Старик, попыхивая табачком, помолчал и продолжил, – Я ведь до аварии, в Припяти жил, в институте работал, старшим лаборантом, – и, увидев опешивший взгляд Николая, сказал: – Да-да, Коля, а ты думал я вот таким деревенским дедом всю жизнь и прожил?

– Степан Васильевич, так неужели у вас никого родных не было, к кому можно было бы уехать? – Спросил Николай.

– Нет у меня никого Коля, детдомовский я, один как перст – вздохнул старик, – Да может оно и к лучшему, оплакивать меня будет некому. А расчет радиации я тебе так скажу, ее ведь, радиацию эту не пощупаешь, не понюхаешь и не увидишь, так что живу, как и прежде. Главное не думать об этом и тогда жить легче.

2

Гроза набрала силу. Ветер усилился, с яростью набрасываясь на деревья, он пытался вырвать их из земли. Деревья, со стоном прогибаясь под напором стихии, всеми своими корнями-руками старались удержаться за спасительную землю. Дождь лил потоками воды, которая под порывами ветра хлестала оплеухами по крыше и окнам дома. Молнии, на черном небе, сверкали практически непрерывно, освещая все вокруг бледным, мертвенным светом, вслед за вспышками молний грохотал гром, такой оглушительной силы, что его звук ощущался физически, проходя по всему живому нервной дрожью.

Дома было тепло и уютно. Два человека сидели за столом напротив друг друга и неспешно беседовали. Комнату освещала коптилка, дававшая мало света, но при этом создававшая в комнате спокойный, тихий свет в отличие от беснующегося

света стихии за окном. К ногам Степана Васильевича подошла невесть откуда взявшаяся кошка и, мурлыча, начала тереться об его ноги, одновременно украдкой поглядывая на стол. Дед докурил козью ножку, кряхтя, встал и, взяв сковородку, подошел к углу, где стояла алюминиевая миска. Он выскреб туда остатки картошки, отнес сковороду на кухню и принес оттуда закопченный эмалированный чайник и две кружки. Поставив все на стол, он начал наливать в кружки что-то вроде чая, по запаху видимо сделанный из мяты и смородины.

– Давай Коля, чайку попьем, он у меня душистый, на целебных травках настоенный, – сказал старик и, взяв кружку, с аппетитом прихлебнул из нее.

Учитель, подняв кружку, отпил чай и спросил:

– Вот вы говорите, можно жить спокойно, даже если знаешь, что радиация вокруг. А как же…– Тут Николай поперхнулся чаем, внезапная мысль как удар электрического тока ударила по нему и он, от вспыхнувшей в нем догадки ощутил дрожь во всем теле.

– То есть вы хотите сказать, что я нахожусь в чернобыльской зоне?! Вы что, так шутите?! – Закричал Николай. Он вскочил из-за стола и заметался по комнате. На него напал нервный озноб от осознания того, куда он попал. Это вселило в него страх, перед которым померкли даже злобные утренние собаки.

– Нет, Коля, я не шучу. Я уже давно перестал шутить, особенно после того, как нас, молодых безусых студентов, только-только начавших работать в институте, собрали и бросили на помощь врачам, которые пытались спасти жизни пожарных. Тех самых пожарных, тушивших этот проклятый четвертый энергоблок.

– Я перестал шутить после того как на моих глазах умирали люди от лучевой болезни, когда увидел, что огромная доза радиации заживо сжигает людей, когда кожа на глазах сползает клочьями а внутренние органы похожи на огромный кусок фарша. Люди кричали от адской боли, а мы неопытные и неумелые бестолково метались между ними, пытаясь хоть как то облегчить их страдания и понимая, что спасти их невозможно. По приказу врачей, мы вводили умирающим пожарным большие дозы морфина, для того, чтобы они не мучались перед смертью.

– Я видел как один из пожарных, умирая, плакал, он понимал, что умирает и, глядя на него я тоже рыдал, я видел, как умирает человек и ничем не мог ему помочь. Он уходил тихо и с улыбкой на обожженном лице, а я сидел возле него и плакал навзрыд от своего бессилия. Вот так-то Коля.

3

Старик замолчал и, оторвав полоску газеты начал вновь скручивать курево. Наступила тишина, прерываемая иногда завываниями ветра. Дождь стучался в окно и просил пустить его в дом. Николай сидел пришибленный, обхватив голову руками, и пытался усвоить то, что поведал дед. Рассказ старика совершенно выбил его из того умиротворенного чувства под влиянием которого он пребывал. Мысли в его голове, спутались в единый запутанный ком, и разум отказывался понять, где он находится. Казалось, что выйди он сейчас из дома и снова попадет в ту затхлую, но спокойную жизнь, как раньше.

«Господи, куда же я попал, как это все произошло, и почему именно со мной? В чем я провинился, за что мне все это?» Его мозг лихорадочно работал, пытаясь придумать выход из сложившегося положения. Николай посмотрел на старика, тот смотрел в окно, попыхивая козьей ножкой.

– Степан Васильевич, что же мне теперь делать?

– А как ты сам решишь, так и будет. Только твои собственные решения покажутся тебе правильными. Потому, что ежели ты ошибешься, то и виноватым будешь только сам, и не на кого будет свалить свой груз ошибок. Понимаешь? – Дед пыхнул табачком и продолжил, – как я понял, за периметром зоны тебя никто не ждет и возвращаться туда, для того, чтобы снова бичевать, не стоит. А вот попробовать начать жизнь заново – это стоит того, чтобы здесь остаться.

– А как же радиация, Степан Васильевич? Вы ведь сами рассказали, как от нее люди моментально умирают! – Вскричал Николай.

– Эк ты хватил! Та доза излучения, под воздействием которой умерли все эти пожарные, была ими получена в самом пекле реактора, а ты, я думаю, туда не

пойдешь. Есть места на этой территории, где радиации нет совсем. К примеру, вот эта деревня, она ведь у самого периметра находится, так что, жить здесь можно.

– Да-а, вот это я попал, как кур в ощип.– Воскликнул учитель. – Ну, хорошо, допустим, я останусь здесь, где мне жить, чем питаться?

– А чем все люди питаются? Я вот, к примеру, святым духом живу что ли? Вон он, лес то, рядом, грибов полно, ягод каких хочешь, мяска захочется, силков наставишь да ловушек. В этих лесах в отсутствие людей, живности развелось видимо-невидимо. Так что, с голоду не помрешь. А насчет жилья, в любой дом входи и живи себе. Не печалься Коля, оно может и к лучшему, что ты здесь оказался, может судьба тебе новый шанс дает. Человеком стать, оно ведь как, там ты один, а здесь другим станешь. Несла тебя река времени по течению, никак к берегу донести не могла, а вот видишь и доставила все-таки. – Дед докурил и, взяв кружку, с шумом отхлебнул травяной чай.

Николай, слушая старика, перебирал в голове всякие варианты. Его сердце стремилось вернуться назад в тот мир, пусть там он голодал, пусть его били и гоняли, но там все было знакомо и привычно. Но разум говорил, что дед прав, что такая унылая и пустая жизнь вечно продолжаться не может. Надо было что-то менять, так почему не начать здесь, все сначала, хуже уже не будет, да и куда уж еще хуже. Мысли одолевали, они дрались в его голове друг с другом, пытаясь одна другой доказать свою правоту.

4

За окном гроза начала затихать, молнии уже не вспыхивали с такой частотой и рокот грома постепенно удалялся. Дождь успокоился, и больше не пытался своими потоками пробить крышу дома. Теперь он шел неспешно и солидно. Словно в начале грозы, это был буйный, неусидчивый подросток, пытающийся всем показать свою юношескую энергию и напор, а теперь это был солидный, состоявшийся мужчина, не привыкший растрачивать понапрасну свою силу. Вся природа была умытой и свежей, деревья и дома стояли чистые и сияющие, словно улыбаясь от полученного душа.

В доме стояла тишина. Кошка, отужинавшая жареной картошкой, спала, свернувшись калачиком на диване. В кружке Николая, чай, давно остыл. Дед Степан отодвинул свою пустую кружку и сказал:

– Давай-ка спать Коля, время уже позднее, да и утро вечера мудренее. Ложись на диване, а я на печке, завтра встанем, и решишь, куда тебе идти.

Дед встал и пошаркал на кухню, там он еще повозился минут десять и затих. Учитель задул фитиль, ощупью добрался до дивана, расправил одеяло и, потеснив кошку, лег. Но сон не шел.

Вспоминалось прошлое, казалось, что та жизнь, которая осталась за чертой, была не так уж и плоха. Во всяком случае, все события были запланированы, он знал, что будет делать сегодня, а что завтра. Пусть была жена-мегера, но даже существование рядом с ней, было понятным и привычным. Пусть потом, он бомжевал и голодал, но кругом были обычные люди. У них он мог попросить милостыню или подзаработать у торговцев на рынке, таская мешки.

Были дни, когда он мог прилично на этом заработать, и тогда в нем поднималось чувство собственного достоинства. В такие моменты, он говорил себе, что можно на эти деньги снять комнату, найти приличную работу, усердно трудиться и, быть может, обзавестись новой семьей. В такие дни он уважал себя, старался следить за собой, чистил свою обувь и латал одежду.

Но когда кончались деньги, вместе с ними кончалось его самоуважение и достоинство, и он вновь скатывался на грязное дно бичевания и голода. В такие моменты, он ненавидел себя, ненавидел свою душевную слабость, ненавидел весь мир. В такие моменты он не находил выхода из этого тупика и в душу закрадывалось сомнение, нужно ли жить дальше так, как он живет или стоит прекратить сие бренное существование. Но, видимо, голос разума, становился на пути таких жалких мыслей и он уговаривал себя, говорил, что пока поживу, а там посмотрим.

Теперь его жизнь круто изменилась. Все привычное рухнуло, исчезло, растаяло как туман поутру. Он боялся новых обстоятельств, боялся перемен, в конце концов, его страшило слово – РАДИАЦИЯ! Вот такими большими буквами, он выделил это новое для себя явление. Как жить дальше он не знал, стоит ли остаться здесь и начать жить заново, или попытаться вернуться назад в

неласковый, но привычный мир. С одной стороны, жить здесь страшно, дикие животные, пустота, радиация опять же – шептало ему сердце, а с другой стороны, живет же здесь этот старик и ничего, хвоста у него нет, и рога не растут – уговаривал его разум. В конце концов, ты свободный человек и никто не может запретить тебе уйти отсюда, – обнадеживало его внутреннее я.

Так и оставшись в пограничном состоянии с самим собой, и не приняв конкретное решение, что же делать дальше, он начал засыпать. Кошка, улегшись к нему под бок, ласково мурлыкала и Николай, улыбнувшись себе, кошке и всему миру, уснул.

Глава 6

1

Утро начиналось робко, с неясного просветления черного неба на востоке. За фермой, там, откуда ночью пришла гроза, начала пробиваться над лесом, тонкая полоска розовой материи рассвета. Вначале она была тоненькой, похожей на ниточку, потом она стала расширяться и уже раздавалась в стороны и ввысь. В розовый оттенок вплетались более насыщенные красные тона. По мере того, как вставало солнце, краски менялись, постепенно переходя от красного к зеленому, затем все это буйство цветов смешалось и в небе расцвело бирюзовое сияние, заливающее своим нежным светом горизонт. И вот показался маленький краешек, он постепенно становился все больше, и над лесом уже вставало во всю свою красу яркое и ласковое солнце.

Все живое трепетало и радовалось наступлению нового дня. Птицы щебетали и пересвистывались между собой, рассказывая друг другу, как пережили ночь, и грозу. Где-то забрехала собака, ей в ответ мяукнула кошка. Деревья стояли как солдатики, стройно и ровно, было тихо, лишь легкое дуновение воздуха шевелило их листья. Дома были отмыты от пыли и выглядели свежо и ново. Воздух был напоен ускользающей свежестью ночи и насыщался ароматом зарождающегося дня.

Николай спал крепко и безмятежно. Так спокойно спать, может, только человек, у которого нет в душе зла и который надеется, что будущее принесет ему больше удачи, нежели прошлое. Снилась ему прежняя жизнь, как будто бы с женой, но без ее зримого присутствия. И он ощущал, что ему хорошо, он сидит у себя дома, а его супруга, готовит на кухне, что-то вкусненькое, он даже слышал запах, весьма вкусный и возбуждающий аппетит.

– Коля, вставай. Наступает новый день и новая жизнь! – Прозвучал голос, вроде жены, но, гораздо ниже тоном. Николай открыл глаза, и спросонья не понял, где находится. Потом к нему вернулись вчерашние события, и он сообразил, что это за место. В голове мгновенно мелькнула мысль «хорошо то как». Он сел на диване и увидел входившего в комнату старика, со вчерашней сковородой в руке, из нее шел знакомый запах жареной картошки.

– Надеюсь, ты Коля, не княжеских кровей? – И видя недоумевающий взгляд учителя, дед, ответил, – я это к тому, что на завтрак у нас давешняя картошка.

– Доброе утро, Степан Васильевич, – поприветствовал старика Николай. – Я не благородных кровей, и картошечка ваша, очень подойдет на завтрак. – Где у вас умыться можно?

– А вон, на кухне умывальник, и рушник там же на гвоздике, – мотнул головой дед в сторону печки. Николай заправил диван, сходил, умылся, вода была холодной и придала ему бодрости и настроения. Вернувшись в комнату, он подошел к окну, на улице уже встало солнце, воробьи на заборе деловито чирикали, обсуждая какую-то важную для них тему.

– Давай, Коля, садись, поедим, чем бог послал, – позвал его старик.

Завтракали они молча, каждый думал о своем. Подкрепившись, дед опять закрутил табачок, и, глядя на Николая, спросил:

– Так, что же ты решил? Домой будешь пробираться, али здесь останешься?

– Я решил остаться, Степан Васильевич. Возвращаться мне все равно некуда. Да и что меня там ждет, опять бичевание и голодуха? Попробую начать жизнь заново здесь. Хотя и сложно будет смириться с тем, что радиация, да и людей нет. Но, чем черт не шутит. Где только люди не живут, – ответил задумчиво

Николай.

– Ну, вот и ладно. Решил, значит, так тому и быть, – старик даже вроде обрадовался его ответу. – Дом выбирай любой, но, я бы тебе посоветовал вон тот, с зеленой крышей. Он и покрепче остальных будет, да и внутри почище.

– Хорошо, Степан Васильевич, – улыбнулся Николай, – спасибо вам. Теперь мы соседями будем.

2

Спустя некоторое время, бывший учитель музыки, а ныне, новый житель деревни без названия, вышел из дома Степана Васильевича и направился к своему новому жилищу, стоявшему практически в конце деревни. Дом был крепкий с виду, крыша как будто была везде целой, бревенчатые стены стояли ровно. За долгие годы без хозяев он, естественно весь зарос травой и молодыми деревцами. Войдя внутрь, Николай огляделся, его жилье было небольшим, практически как у старика. Повсюду лежал толстый слой пыли в палец толщиной, но вся мебель и вещи были в порядке, ничего не сломано, не разбито.

Мебель в доме состояла из самодельной деревянной кровати, покосившегося от времени шифоньера, колченогого стола с двумя венскими стульями и табуреткой. На угол, к окну и стене была прибита широкая доска вроде полки, на которой стоял приемник и вычурная ваза с некими засохшими и переплетенными паутиной растениями. В другом углу стояла покрытая пылью радиола, на ней стопкой лежали пластинки. На полу лежали истлевшие от времени самовязанные половики. На окнах висели простенькие занавески в синий горошек. На стенах, оклеенных обоями прямо поверх бревен, висело множество выцветших фотографий.

Кухня была маленькой, почти всю ее площадь, занимала русская печка. За печкой у единственного окна, притулился столик с лавочкой. Вся посуда на месте. В доме стоял затхлый запах старых вещей. Николай вздохнул и взялся за дело.

На приведение дома в порядок, у Николая ушел весь день. Он вытер везде пыль, перетряхнул всю одежду, некоторые вещи истлели, другие еще можно носить. По своей натуре, Николай был немного брезглив и носить чужие вещи, в обычной обстановке, не стал бы, но, здесь обстановка была совсем иная, поэтому оценив состояние вещей, и оставив хорошие, он сказал себе, «теперь это мое». Жизнь всегда корректирует наши желания. Избавившись от ненужного хлама, он произвел влажную уборку, благо за водой далеко бегать не пришлось, колодец находился во дворе. Вода в колодце пахла тиной, но не была мутной или зеленой. Все фотографии со стен, он решил убрать, не желая, чтобы на него смотрело множество чужих людей.

После уборки, Николай растопил печку, как это сделать, ему объяснил дед. После долгого бездействия, печка начала дымить, но по мере прогревания, все наладилось и огонь, весело и с треском побежал по дровам. Картошку, лук и немного свиного жира, дал Степан Васильевич. Сварив картоху в мундире, Николай поужинал и лег спать. За день он натоптался, руки, ноги, спина, все гудело и требовало отдыха. Он лег на старую, рассохшуюся кровать, укрылся таким же, старым одеялом и уснул.

Весь следующий день, он разбирался в доме, решив, что если начинать жизнь заново, то и все должно быть по-новому. Кровать разобрал и вынес во двор, половики вынес туда же, поскольку, по его мнению, они только собирали пыль. В вазу он поставил ромашки, надергав их во дворе. Вышло очень даже ничего. Шифоньер, как он не старался, не хотел стоять ровно, и Николай отправил его вслед за кроватью, на двор. После всех перестановок в доме стало просторнее и как-то даже пустовато. Но это его не заботило. Зато больше воздуха.

Прошло два месяца его жизни здесь. Мысли об опасностях и страхах отступили на второй план. Частенько он ходил к деду Степану в гости, тот учил его ставить капканы и силки на мелких зверей. Они несколько раз ходили в лес, дед объяснял Николаю, как ориентироваться в лесу, какие растения и грибы съедобны, а какие ядовиты. Он показывал, как выживать в лесу, каким образом развести костер в дождь, как идти по болоту, как читать следы животных, как спокойно ночевать в лесу, не боясь ни хищников, ни холода.

Постепенно, прошлое начало забываться. Город, автомобили, поезда и прочие атрибуты цивилизованной жизнь подернулись дымкой забвения. Теперь, из учителя музыки, он становился человеком, который сможет постоять за себя и не пропадет нигде. В ловушки и силки, расставляемые им, попадались зверь и

птица. Если человек хочет жить – он выживет везде. Излишки мяса он вялил про запас, этому его тоже обучил дед Степан. Постепенно Николай превратился из тощего заморыша, в рослого, умудренного опытом мужика. Близлежащий лес, он знал, как свои пять пальцев и теперь часто уходил из деревни в поисках новых впечатлений, но, всегда возвращался домой.

С дедом Степаном они практически сроднились и ночами, сидя за чаем, вспоминали, какая жизнь была ТАМ. И что, они нашли здесь. Николай по собственным ощущениям не стремился вернуться назад, даже вероятное наличие радиационного излучения в деревне, уже не пугало его. Он просто перестал обращать внимание на этот фактор. Так легче было жить.

3

Общаясь со стариком, Николай узнал, что их деревня, находится километрах в двадцати от границы зоны отчуждения. Но, пробраться за эту границу, было очень сложно. По словам тех людей, что приходили в деревню жить, спустя некоторое время после аварии, вся граница состояла из тройного ряда колючей проволоки. На шоссейных дорогах стояли блокпосты, сидевшие на них военные, стреляли без предупреждения, во всех, кто приближался с обеих сторон блокпостов. Теоретически, можно было выйти за периметр, пробраться лесами, но опять же, надо знать направление выхода. Идти напролом, было бы самоубийством. Дед рассказал ему, как можно жить, на этой проклятой территории.

Днем, можно ходить, но желательно иметь с собой топор или еще что-нибудь увесистое, собаки, в деревне и ее окрестностях, совсем одичали и чувствовали себя вольготно. Человек для них, уже не был другом, а только лишь добычей. Случай с Николаем на ферме, говорил об этом красноречиво. По ночам, бродить по деревне, совсем нежелательно. Помимо, обычных псов, могли наведаться и волки. Кошки, кроме той, что жила с дедом, либо все разбежались, либо их съели собаки. Мыши в доме Николая, да и во всех остальных, бегали, ничего не боясь, и грызли все, что хотели. Теперь кошка деда Степана, жила на два дома. Одна кошка, конечно, не могла справиться с засильем мышей, но теперь с ней, можно было хотя – бы по ночам спать спокойно. Без кошки, мыши, ночью, бегали прямо по спящему Николаю. Временами, в деревню заходили кабаны, они

любили порыться на бывших огородах. Одного из них дед и поймал в капкан, мясо которого, с картошкой ел Николай, в первый день встречи со стариком.

Кроме того, дед рассказал, как однажды, выйдя за водой, он, при свете луны, увидел на дороге, возле соседнего дома высокую сгорбленную фигуру. Фигура напоминала человека, только руки у нее были короткие и доходили только до пояса. Голова у этого, вроде бы человека, была вытянутой и напоминала дыню. При свете луны, дед больше ничего разглядеть не смог и забыв про воду, стараясь не шуметь, двинулся домой. Прокравшись к своей калитке, он оглянулся и увидел, что фигура двинулась к одному из домов, через дорогу. Через некоторое время оттуда, сначала донеслось остервенелое собачье рычание, сменившееся испуганным скулением и визгом. Затем наступила тишина. На следующее утро дед, вооружившись топором, сходил туда, но, кроме примятой травы и следов борьбы, ничего не нашел. Кто это был, или что это было, старик не знал. Он предположил, что это мог быть, человек, одичавший до такой степени, что уже питался собаками. Но, почему не было нигде крови, и почему собака испугалась его, было непонятно. В общем, остались одни догадки и предположения.

По совету деда, Николай обшарил все дома сверху донизу и в одном из них нашел железный ящик, похожий на сейф. Взломав его, он обнаружил старую, видавшую виды двустволку. Там же находились снаряженные патроны, порох в банке из-под кофе, крупная дробь и пыжи. В сумке, лежавшей там же, был станок для набивки патронов. В доме также была большая подшивка журналов об охоте. Мысленно сказав спасибо, бывшему хозяину этого богатства, он сообщил о находке деду Степану.

Поскольку оба никогда, не владели оружием, Николай, начал читать охотничьи журналы, в надежде найти какие-нибудь руководства по снаряжение патронов и обращению с охотничьим ружьем. По прошествии нескольких дней он уже умел снаряжать патроны и, разобрав оружие, привел его в надлежащий вид. Теперь, помимо зверья, надо было опасаться еще неизвестно кого, но, гораздо более опасного.

Исследуя дома в деревне, особенно тщательно те, в которых были гаражи, он нашел потрепанный атлас автомобильных дорог. Вместе с ним, в ящике стола, в картонной коробочке, Николай обнаружил хорошо сохранившийся компас, эта находка очень обрадовала его. За последним домом, он пошел, вдоль левой стороны дороги, ведущей из деревни, раздвигая палкой заросли, начал что-то искать. Метров через двадцать он радостно вскрикнул, покопался в траве, и вытащил табличку. Это был указатель населенного пункта. На нем было написано название этой деревни – Ольховка. Поделившись своей находкой с дедом Степаном и тщательно изучив атлас, Николай обратил внимание, что на нем указаны даже фермы и водонапорные башни. Сопоставив все это, а также взяв на заметку изгибы дороги, ведущей в деревню и из нее, он определил, где именно на карте, находится их деревня.

Все взвесив, прикинув свои возможности и посоветовавшись со стариком, Николай решил сходить в соседнюю деревню. Она находилась на расстоянии семнадцати километров от их Ольховки. Если идти по дороге – это легче, несмотря на то, что она заросла травой и деревьями, но, это долго. Если пробираться через лес – то, путь сложнее, но, короче. Сообразуясь со своими силами, Николай, решил продвигаться через лес. В ориентировании на местности он был не очень силен, но, теперь, имея компас, карту и зная, где находятся стороны света, было проще идти в выбранном направлении.

Чтобы достичь желанной точки, нужно было пройти поле, которое начиналось за деревней, дальше надо пройти через лес, затем начиналось болото, за ним вновь поле и будет соседняя деревня – Кочнево. Прошло много времени, со времен аварии на ЧАЭС и отсутствие людей сыграло свою роль в изменении ландшафта. Поскольку природа не терпит пустоты, то и болото вполне могло или зарасти, или стать вообще непроходимым, то же самое обстояло и со всем остальным. Обычных лесных обитателей, Николай не боялся. Но странный, если не сказать страшный, ночной посетитель, которого видел дед Степан, не выходил из ума. Николай, высказал деду предположение, что это был, либо человек с увечьями рук, либо это было нечто необъяснимое, вплоть до инопланетян или опытов с людьми. В последнее, верить совсем не хотелось. Но, так как, это нечто уже было здесь, то оно может еще вернуться. Именно поэтому, Николай и решился идти в это путешествие, надеясь найти людей.

Поскольку путь был неблизкий, он взял с собой рюкзак. В него сложил провизию, запасной комплект нательного белья и два коробка спичек. Спички Николай нашел в соседнем доме и очень их берег. Все это разложил по разным

целлофановым пакетам и плотно их завязал. Эти манипуляции он проделал, на случай, если вдруг провалится в болото или попадет под сильный дождь. Взяв с собой топор и нож, и памятуя о жутком, ночном госте захватил ружье. Накрутив максимальное количество патронов, десяток вставил в патронташ, остальные сложил в рюкзак, также упаковав в пакет. Компас был, любовно завернут в тряпицу и упрятан во внутренний карман куртки.

Накануне, перед походом, Николай сходил к старику. Тот при виде гостя поставил чайник, за разговором они просидели весь вечер, обсуждая маршрут. Дед очень хотел идти вместе, но, понимал, что с его состоянием здоровья, будет только обузой. В последний месяц самочувствие его ухудшилось, очень болели ноги, кашель раздирал его нутро, все чаще. Неся ведро воды из колодца, несколько раз вставал, одышка душила его. Однажды кашляя, дед на платке увидел кровь, она была темной и густой. Он решил, ничего не говорить Николаю, думая, что тот может отказаться от задуманного похода. Попив чайку и все, обговорив, они попрощались. Рано утром, когда солнце только показалось из-за горизонта, Николай вышел из дома. Постояв немного, он, как бы расставаясь с деревней, сказал, «ну, я пошел». Выйдя через заднюю калитку, он поправил на плече ружье и двинулся через поле к лесу. Пройдя половину пути, Николай, услышал звук, от которого давно отвык. Это был гул моторов автомобилей и шел он с обоих концов деревни.

Глава 7

1

Николай обернулся и увидел, как в деревню, с обеих сторон въезжают две колонны военной техники. В первой колонне, которая входила с одного конца деревни, впереди, медленно ехал бронетранспортер, за ним шли два крытых грузовика. Со второго конца, также головным двигался такое же броневик, следом за ним три грузовика и последним еще один бронетранспортер. Войдя в деревню метров на двадцать, обе колонны остановились. Из грузовиков, начали выпрыгивать солдаты. Выстроившись цепью, они пошли по деревне, очевидно прочесывая ее.

Николай, спрятавшись за куст сирени, наблюдал за происходящим, очень переживая за Степана Васильевича. Цепь солдат из начала деревни, уже подошла к дому деда Степана, вопреки худшим опасениям Николая, ни криков, ни стрельбы не послышалось. Он решил остаться и переждать, пока солдаты уйдут, не век же они в деревне останутся, а потом вернуться и узнать у старика, что это такое было. Тем временем, вторая цепь солдат, продвигалась к дому Николая. Шли они медленно и молча, лишь изредка слышались какие-то команды. В ряду солдат, Николай увидел двух собак на поводках. Приблизившись к его дому, военные остановились и начали во что-то всматриваться, видимо увидели тропинку, ведущую к дому.

Двое солдат, один из них с овчаркой, направились к входу в дом. Деревья, растущие у крыльца, скрыли их из виду. Николай решил подождать, что будет дальше. Через минут двадцать, послышался лай и возгласы военных, к ним от дороги, устремились еще двое. Затем лай послышался отчетливее и Николай увидел, что по его следу бежит собака, а за ней трое солдат. Сердце у него ухнуло вниз и, вспомнив первую встречу с военными, он решил бежать. Выскочив из куста и побежав в сторону леса, он услышал сзади крики:

– Стоять! Стоять, стрелять буду! Альма, фас! Взять его!– Услышав такие возгласы, у него будто выросли крылья. Понимая, что от собаки на открытой местности ему не уйти, он резко повернул влево и рванул в сторону небольшого болота, надеясь таким маневром задержать ее и сбить со следа. Плотно набитый рюкзак тянул назад, ружье при беге, било прикладом по ногам, а стволы норовили ударить по голове. Сорвав ружье с плеча, Николай перехватил его и, удерживая перед собой, продолжал бежать. Болото было близко, но и собачье дыхание уже слышалось за спиной. Ускорившись насколько возможно, он ощутил, что земля под ногами сначала стала мягкой, затем под сапогами зачавкало. Началось болото.

Николай, исходивший эти места вдоль и поперек, побежал в сторону узколистного рогоза, надеясь, что собака не сможет пройти сквозь него, к тому же, его листья, могли порезать руки, не говоря о собачьих лапах. Предположения его оправдались, овчарка, добежав до камыша, ринулась было за ним, но затем, Николай услышал визг и скуление. Пробираясь сквозь заросли дальше, он услышал сзади, постепенно отдаляющийся лай и понял, что собака перестала преследовать его. Выбравшись из камыша, он попал в заросли осоки и багульника. Николай остановился и прислушался, собака лаяла уже не так яростно, слышались крики солдат, которые метались по берегу болота, не

решаясь войти в него.

Закинув ружье за спину, и стоя по пояс в воде, Николай слушал и ждал. Через некоторое время собака смолка и раздались автоматные очереди. Пули, со щелчками, начали сбивать головки камыша и сочно чмокались в болото, выбивая фонтанчики черной жижи. Николай, инстинктивно плюхнулся в болото с головой, тут же вынырнул, и, увидев, что смертельные фонтанчики приближаются к нему, глотнул воздуха и снова окунулся с головой.

2

Армия, охранявшая периметр, никогда не выходила за пределы блокпостов. Военные, сидевшие на них, в зависимости от ситуации, либо задерживали всех подозрительных лиц, либо стреляли на поражение. Изредка, когда в вышестоящих командных головах созревала мысль о том, что пора бы получить награду или внеочередное звание, они отдавали приказ на проведение рейдов, вглубь зоны. Тогда, за периметром, создавались штурмовые группы, усиленные кинологами и бронетехникой. Вся эта, гремящая железом и изрыгающая клубы сизой гари из выхлопных труб, армада, начинала продвижение внутрь огороженной территории. Всех людей, кто попадался на пути, задерживали, тех, кто сопротивлялся, ликвидировали при попытке к бегству. Именно на такой рейд и попал Николай.

Под водой, звуки стрельбы слышались глухо, пули попадая в воду, создавали бурлящий звук, он сначала доносился справа, потом переместился назад, ушел влево и прекратился. Николай вынырнул и прислушался, голоса солдат, стали удаляться и затихли. Постояв минут десять и поняв, что больше никто за ним не гонится, он развернулся и, отметив одиноко стоявшую посреди болота, чахлую березку, взял курс левее ее, держа направление на кривую сосну, стоявшую, на краю леса. Пробираться в зарослях травы и камыша было тяжело, ружье Николай перевесил на грудь, тем самым хоть как-то компенсировав тяжесть промокшего рюкзака. Несколько раз, он останавливался и отдыхал, слушая звуки вокруг. Со стороны деревни не доносилось ни звука, только лягушки, притихшие было на время стрельбы, вновь, разошлись своим кваканьем не на шутку, словно делились впечатлениями от ужасов нынешнего утра, потревоживших их тихое, сонное царство.

Через час, Николай, преодолевая усталость и борясь с травой и камышом, выполз, наконец, из болота. Это болото не было трясиной, в которой можно сгинуть, дно его было более-менее твердым, глубина не превышала метра. Зная об этом, Николай и побежал спасаться от преследования именно сюда. Выбравшись на сухое место, он не встал, а также ползком преодолел открытое место, пока не добрался до кустов орешника. Поднявшись, он осмотрелся. На расстоянии, было плохо видно происходящее в деревне, но, поскольку лес находился на пригорке, то звуки доносились отчетливо. Голоса военных было слышно хорошо, слов не разобрать, но, по интонации, они не были агрессивными. Суеты тоже не наблюдалось. Николай понял, что преследовать его больше никто не будет.

Однако уезжать солдаты тоже не собирались. Вся техника стояла на прежних местах, и не слышалось шума моторов. Николай, предполагавший вернуться в деревню, сразу, как только военные уйдут, решил подождать, быть может, они скоро уберутся восвояси. А пока, надо было привести в надлежащий вид, себя и свои вещи. Он скинул рюкзак, вытащил и проверил все его содержимое. Кроме рюкзака, ружья и патронов в патронташе ничего не намокло. Гильзы патронов были металлические и тщательно их, обтерев запасными носками, он разложил их подсохнуть, на поваленном дереве. Верхнюю одежду и мокрое белье, Николай развесил на кустах можжевельника, пока еще не холодно и можно было подсушиться, не разводя, костра. Костер он зажигать не стал, справедливо полагая, что в прямой зоне видимости военных это было бы идиотизмом.

Он надел запасное, чистое белье. Спустя два часа, верхняя одежда высохла, отряхнув ее от грязи, Николай полностью оделся. Вычищая ружье, он понял, что если вдруг, вновь придется бежать, то с таким габаритным оружием опять намучаешься. И при первой же возможности, он решил сделать из ружья – обрез. Приведя в порядок себя, свою амуницию и отдохнув, Николай, еще раз посмотрел в сторону деревни, военные оставались на своих местах. Не видя смысла в дальнейшем ожидании, он тронулся в путь.

3

Мягкое солнышко, полностью поднялось над горизонтом. Его щедрые лучи, заливали все вокруг, теплым, ласковым светом. Природа пробуждалась, лес

оживал от ночной спячки. Трава шелестела и шуршала под легким дуновением ветерка. Пичужки всех мастей, щебетали, цвиркали и чирикали на все лады. Где-то слышалось озабоченное похрюкивание кабанов, им в унисон, повизгивали поросята. Дятел, деловито разбирал трухлявую лесину, чтобы добыть сочный завтрак. Кукушка своим монотонным, обнадеживающим кукованием, обещала кому-то, долгую жизнь. Желтая с черными крыльями, иволга выводила флейтой свое «фити-лиу-фиу-лиу». В глубине леса, трещали сороки, вспугнутые лосем, который шел по своим делам, хрустя сучьями.

Николай, шел уже около часа, стараясь придерживаться показаний компаса. По предварительным прикидкам, идти до деревни оставалось еще часа полтора. Но, не все и не всегда, получается так, как задумывается. Лес был густой и захламленный упавшими и гнилыми деревьями, местами крапива доходила до пояса, и трудно было продираться через нее. Спустя полчаса борьбы с травищей, Николай вошел в заросли ивняка. Земля под ногами, стала мягкой, начала попадаться осока и через некоторое время, он, неожиданно для себя, вывалился на берег лесного озера. Оно было довольно широким и сравнительно чистым от растений. Посмотрев по сторонам, Николай не увидел, где оно кончается.

– Вот тебе и здрасьте, сказал он сам себе. Сняв рюкзак, он сел на него, вытащил атлас, нашел нужную страницу и, положив на нее компас, всмотрелся в карту. К его неудовольствию, озера на карте не было, вернее, там было обозначено синими, продольными полосками, наличие какой-то водной субстанции, но, то, что это будет целое озеро, Николай никак не ожидал. Надо было все обдумать. Для того чтобы думалось легче требовалось передохнуть и попить чайку.

Достав из рюкзака алюминиевую кружку, он набрал воды. Мысль о том, что дым увидят военные и начнут его преследовать, уже не беспокоила. Они наверняка сюда не полезут, а если и пойдут, то только с собакой, а присутствие посторонних в лесу, всегда выдадут те же сороки. Поэтому он спокойно, сложил небольшой очаг из сырых веток деревьев, поставил на них кружку и запалил под ней небольшой костерок. Вода вскипела быстро, он бросил в кружку смородиновых листьев, снял ее с огня и накрыл березовыми листьями, чтобы взвар, настоялся.

Наслаждаясь вкусом и ароматом смородинового настоя, Николай, оглядывая озеро, думал, как теперь быть, в какую сторону пойти. Если судить по карте, то с левой стороны, эти синие полоски примыкали к дороге, но, она в этом месте делала петлю, и пришлось бы практически возвращаться назад. С правой же

стороны, эти же полоски, закруглялись и уходили ближе к деревне Кочнево. Получалось, что идти надо по правому берегу, так быстрее доберешься до цели. Допив чай, Николай затушил костерок, упаковал кружку и двинулся дальше. Воздух был напоен запахами лесных трав и цветов, Николай, вдыхал этот дивный аромат, и наслаждался еще одним погожим деньком.

Солнце уже шло на закат, тени начали удлиняться и атмосфера вокруг, насыщалась вечерней свежестью. Николай шел уже, часов пять, а конца пути и не предвиделось. Надо было подумать о ночлеге. Выбрав место, на небольшой полянке, подальше от озера, чтобы ночью не тянуло сыростью от воды, он расчистил стоянку от травы и, сбросив рюкзак, пошел собрать хворост. Сумерки в лесу наступают быстро, пока Николай собрал достаточно дров на ночь, стало совсем темно. Он, сложил костер и только собрался его разжечь, как вдали, вроде бы мелькнул огонек.

4

Сначала, Николай подумал, что это, просто последний отблеск солнечных лучей на мокрых от росы листьях деревьев, но, присмотревшись, он понял, там действительно был огонь. Если есть огонь, значит там, должны быть люди. Николай решил посмотреть, что там такое. Он покопался в рюкзаке и извлек оттуда ручной, динамо-фонарик. Светил он конечно тускловато, но имел огромный плюс, к нему не нужны батарейки. Водрузив рюкзак на привычное место, за спиной и жужжа фонариком, он осторожно, чтобы не сломать себе ноги и не выколоть глаз веткой в темноте, пошел на призывно манящий огонек.

Спустя минут сорок, его осторожного петляния по лесу, он, наконец, вышел на огонек. Это горел костер. Возле него, спиной к Николаю, сидел человек, в плаще, с остроконечным капюшоном на голове.

– Добрый вечер. Разрешите погреться у вашего костра? – Спросил Николай. Человек у костра, не обернулся на голос, но ответил:

– Здравствуй, путник. Садись, погрейся. – Голос у него был старческий, надтреснутый и говорил он, не спеша и вдумчиво. Николай пододвинул к костру, лежавшую рядом толстую, сосновую ветку и сел на нее. Снял рюкзак, положил

рядом с ним ружье и взглянул на человека, по ту сторону костра.

Незнакомец сидел на земле, скукожившись, очевидно ему было холодно, поскольку руки он спрятал под мышками. На нем был длинный плащ с прорехами и стоптанные, полуразвалившиеся кирзовые сапоги. Капюшон у него был надвинут на глаза, виден был только, весь в морщинах – подбородок. Никаких вещей, вроде рюкзака или сумки, у него не было. Николай раскрыл свой рюкзак, вынул оттуда запас вяленого мяса и небольшие лепешки, выпеченные из корней камыша, перемолотых в муку, достал также давешнюю кружку. Вода у него была в помятом, литровом термосе, найденном в одном из домов. Поставив кружку с водой на огонь, он высыпал в нее порошок из измельченных корней цикория. Когда варево вскипит, то получится суррогат, напоминающий кофе.

Незнакомец, наблюдал за действиями Николая, не проронив ни слова. Мясо, Николай слегка подогрел на костре и по лесу пошел его дурманящий и вызывающий слюнки – аромат. Когда ужин был готов, он пригласил незнакомца, разделить с ним трапезу.

– Угощайтесь, пожалуйста, – сказал Николай.

– Спасибо, друг. Я не голоден. Ты не стесняйся меня, кушай, – поблагодарил его тот. – Не обращай внимания, на то, что я молчу, просто характер у меня такой. Если тебе что-нибудь интересно, спрашивай, отвечу. – Он, немного подвинулся, к Николаю поближе.

– Вы, наверное, где-то рядом живете? Просто смотрю, у вас собой вещей никаких нет, – предположил Николай. Он пытался разглядеть незнакомца, но, капюшон хорошо скрывал его лицо.

– Зачем, мне вещи? Дома у меня нет, да и для чего он мне, я привык жить один, – ответил тот, задумчиво. – Дома и вещи, они ведь только сковывают тебя, ты становишься привязан. Никуда не уйти. А так и терять нечего, да и жалеть не о чем. – Объяснил тот.

–Это конечно так. Ну а как же родные? Есть они у вас?

– Нет у меня никого, детдомовский я, один как перст. – Вздохнул незнакомец, – да может оно и к лучшему, оплакивать меня будет некому. – И еще подвинулся.

– Так то, оно конечно да. Но, ведь одному плохо. Как говориться, даже стакан некому будет подать, – сочувственно произнес Николай. Он поужинал и, запивая цикориевым отваром мясо, поглядывал на собеседника. Тот еще чуть-чуть подвинулся, очевидно, хотел быстрее согреться.

– Можно ваше имя узнать? – Поинтересовался Николай, глядя на незнакомца. Его ответ о своих родных, вызвал у Николая легкое чувство беспокойства. Словно холодный ветерок забрался за шиворот и тихонько холодил тело.

– Меня зовут Степаном Васильевичем. – А тебя как звать-величать?– Спросил тот.

– Меня зовут …, – запнулся Николай. И здесь на него навалился первобытный, животный ужас. Ледяной озноб кошмара сковал его. Этот незнакомец, отвечал точно так же, как его хороший знакомый, дед Степан. Но, это был не он!

Глава 8

1

Ночь, в лесу, кажется безжизненной, как будто все, что жило днем, замирает до утра. Но, это только кажется, та искра, которая днем пела и ликовала, ночью, всего лишь просто спит. В темноте возникает, своя жизнь. Сверчки трещат и выводят свои рулады на весь лес. Вот ухнул филин, со стороны озера задудела в бутылку и засмеялась жутким смехом, выпь. По лесной чаще, разнесся, наводящий ужас, чей-то вой. Луны не было, ночь стояла темная, хоть глаз выколи. Только вдалеке, мерцал огонек, кто-то не спал в столь поздний час.

Хорек, выбрался из своего дневного убежища в куче валежника и прислушался к окружающим звукам. Он был голоден. Звуки леса говорили о многом, но, запаха добычи пока не было. Он забрался на дерево и с высоты, увидел, на его любимой охотничьей территории, лесной опушке, огонь. Возле огня сидели два существа – это были люди. Хорек, спустился с дерева и задал стрекача, он знал, что от

людей добра не жди.

– Не бойся меня, Коля, – произнес незнакомец, еще немного придвинувшись к Николаю. Двигался он к нему, вокруг костра.

Услышав эту фразу, Николай, вскочил и закричал:

– Откуда, вы знаете, как меня зовут?! Кто вы такой?! Вы что, читаете мысли?! – Он лихорадочно зашарил рукой по земле, пытаясь нащупать ружье.

– А что же здесь такого странного, в умении читать мысли? Я долго жил на востоке, в одном монастыре, изучал телепатию и буддизм. Монахи даровали мне знания и способности существовать в параллельном мире. Я изучил, как можно проникать в глубокие тайны сознания человека, подолгу находился в астральном состоянии, где познал тонкую материю души и мозга, человека и животных. Не бойся меня, я не причиню тебе ничего плохого, просто мне нужен друг. Успокойся Николай, садись. – Здесь он опять, немножко придвинулся к Николаю. Теперь, между ними, было не более двух метров.

– Не бойся меня, Коля, – опять сказал незнакомец. – Ты, садись. Я ведь, в сущности, очень одинок. Все люди, как узнают, кто я такой, сразу пытаются убежать. – Незнакомец вздохнул и продолжил, – ты знаешь, в жизни я очень добрый, и меня действительно зовут, Степан Николаевич.

Николай боролся со своими чувствами, Сердце кричало – беги отсюда немедленно! Мозг увещевал – но, ведь он признался, что читает мысли, мало ли бывает в жизни, странных людей. Просто надо выслушать этого человека, понять его, и опять же он позволил Николаю согреться у костра. И зовут его, так же, как того, доброго старика из деревни. Нельзя быть таким невежливым. И борясь со своими чувствами, Николай решил остаться. Он вновь сел на давешнюю ветку, посмотрел на Степана Николаевича и сказал:

– Простите за то, что обидел вас своим недоверием, я просто испугался, – он подбросил в костер хворост.

– Ничего страшного, Коля, я привык. Да, мои знания пугают людей, но не надо этого бояться, ведь всему есть свое объяснение. Главное здесь, то, как преподнести это объяснение.

Степан Васильевич, продолжал сидеть в той же позе, в которой находился, когда Николай подошел к костру. Николай смотрел на него и не понимал, что с ним самим происходит и где он находится. Мысли в его голове из единого целого, были как будто-бы, разбиты на отдельные осколки и, пытаясь их собрать воедино, его мозг еще больше их перемешивал. Николай смотрел на незнакомца, и где-то в глубине подсознания понимал, что что-то не так, но его мозг, отказывался понимать происходящее и принять адекватное решение.

– Ты Коля, главное не бойся меня, я не причиню тебе зла, – при этих словах Степан Васильевич пошевелился и его правая рука, медленно начала выходить из-под мышки.

– Конечно, конечно, Степан Васильевич, я вас не боюсь, вы ведь добрый человек, – произнес Николай безучастно, глядя на костер пустыми глазами. Его голова была совершенно пустая, собственные мысли отсутствовали напрочь. Он чувствовал только безмерное доверие, к этому Степану Васильевичу.

– Ну, вот и хорошо, ты не беспокойся, все будет быстро, – рука Степана Васильевича, легла на землю.

2

Николай поднял голову, и безмятежно посмотрел на своего нового знакомого. Рукав Степана Васильевича, поднялся, и из него, метнулась в сторону Николая, толстая, черная плеть. В этот момент, от костра, прямо в Степана Васильевича, выстрелил уголек и попал ему, в незащищенный плащом, подбородок. Уголек опалил его и сбил целенаправленный удар. Рука, не долетев до Николая, безжизненно повисла как веревка. Степан Васильевич вскрикнул и, отшатнувшись от костра, потерял контроль над Николаем.

Очнувшись от ментальной атаки, Николай пришел в себя и, увидев эту картину, тоже закричал, только от ужаса. Он вцепился в ружье, и вскочил, но, вспомнив, что оно не заряжено, выхватил из-за пояса топор и кинул его в чудовище. Лезвие топора вонзилось тому, в грудь. Мутант взвыл и от удара, упал на спину. Он пополз назад, от костра, во тьму и попытался левой рукой, вытащить

смертельное железо из груди.

Николай, вновь схватил двустволку и, лихорадочно переломив ее, пытался трясущимися пальцами, достать из патронташа, патроны. Они сидели плотно, и он никак не мог, ухватить их. Когда, наконец, он вытащил один патрон и зарядил ружье, мутант, повернулся набок и, сложив в локте свою правую руку, выдернул топор из груди. Его плащ потемнел от крови, но, сдаваться он не собирался.

Николай, направивший ружье на чудовище, получил мощный, ментальный удар. Ему показалось, что его голова взорвалась на тысячу осколков. От острой боли пронзившей мозг, он закричал и отшатнулся назад, потеряв равновесие, он запнулся за рюкзак и грохнулся на спину. Рука, державшая ружье, ударилась об корягу, и палец инстинктивно нажал на спуск. Громыхнул выстрел.

Раздался дикий рев. Наваждение схлынуло, Николай поднялся на колени и, не мешкая, перезарядил ружье. Обернувшись, он увидел, что заряд дроби, влетев в середину костра, разметал его. Горящие головешки и угли, огненным взрывом, попали прямо в живот и грудь чудовища. Плащ на нем вспыхнул, казалось, все было кончено, но, Николай ощутил в голове, слабый вспышку головной боли. Подняв двустволку и направив ее на мутанта, он спустил курки.

Два выстрела, рванули ночь, почти одновременно, эхо прокатилось по лесу, перепугав местных обитателей. Оглохший от стрельбы, Николай мгновенно почувствовал, навалившуюся усталость. Разлетевшиеся остатки костра, подсвещали место битвы. Николай вновь перезарядил оружие и посветил фонарем, на то, что лежало по ту сторону костра. Тусклый свет, выхватывал из темноты, что-то бесформенное и ужасное.

Наступал рассвет, Николай сидел возле небольшого костерка, собрав его из остатков былого костра. Наведя ружье на нечто, лежавшее в трех метрах от него, он решил, до утра не трогать это чудовище. Голова его прояснилась и теперь он нормально соображал. Перебирая в памяти случившееся событие, Николай, как не старался, не мог вспомнить некоторые моменты. Видимо, обладая мощной способностью, ментального воздействия, этот мутант, стер из памяти Николая, отдельные воспоминания.

В лесу становилось все светлее, еще слабые солнечные лучи робко пробирались сквозь листву деревьев, ласково поглаживая, покрытую росой траву. Дневные обитатели леса просыпались, птички, щебеча и весело перепрыгивая с ветки на ветку, радовались жизни. Проснулись стрекозы и, трепеща крыльями, ловили мелкую мошкару, закладывая в полете умопомрачительные пируэты. Со стороны озера, поверхность которого, подернулась легким туманом, доносилось кряканье уток, собравшихся позавтракать сочной, зеленой ряской. Небольшой ужик, с яркими желтыми пятнами на голове, пополз было через поляну, но, увидев на ней человека, резко свернул в сторону и исчез в траве.

3

Николай, наконец, решился, встал и, держа ружье наизготовку, осторожно приблизился к мутанту. Крупная дробь, изрешетила его тело, но голова осталась целой. Она по-прежнему была закрыта капюшоном. Упершись стволами в грудь чудовища, Николай стащил капюшон с его головы и отпрянул назад. Голова мутанта была вытянута вверх, длиной примерно сантиметров сорок. Нижняя часть, широкая, сантиметров двадцать и уходя выше, к концу, заужалась практически на конус. Вся голова состояла из глубоких складок, подбородок выступал вперед. Вместо носа, на лице находилось, два каплевидных отверстия, глаза абсолютно круглые, без век. Рот, размером, во всю нижнюю ширину головы, без губ, во рту находилось два ряда крупных, острых зубов. Уши у него были ланцетовидной формы, прижатые к голове, острыми концами кверху. Держалась голова на короткой, не более пяти сантиметров шее.

Оторопев от увиденного, Николай вынул нож и разрезал правый рукав плаща, мутанта. Правая, даже не рука, а конечность чудовища, была гипертрофированной, в длину, более двух метров. Пальцы в два раза длиннее человеческих и очевидно сила в них была невероятная. Левая же рука, совсем короткая, чуть длиннее среднего человеческого локтя. Николай сдернул с него сапоги, ноги чудовища казались вполне человеческими.

«Господи, что же это за, чудище?» Подумал Николай. «Что же теперь делать, если опять встретится кто-нибудь в плаще?» Он решил, что пора уходить отсюда. Быстро собравшись, Николай сверился с показаниями компаса и двинулся прочь от ужасного знакомца. Двигаясь по маршруту, он, старался не

думать о том, что произошло, но, мысли не давали ему покоя. Если здесь водятся такие чудовища, то жить здесь, становится очень страшно. Пройдя часа два, он понял, что надо остановиться и передохнуть, заодно и подкрепиться. Место отдыха он выбрал, метрах в двадцати от озера. Помня о ночном нечто, Николай, осмотрелся и, разведя костерок, сел спиной к озеру, чтобы сзади была защита. Вскипятив чай, он вновь вернулся воспоминаниями к прошедшей ночи. Получалось, что и тогда в деревню, приходил этот мутант. Почему же он не тронул старика Степана. Было непонятно.

Николай, решил, что дойдя до деревни Кочнево и разведав тамошнюю обстановку, он поскорее вернется назад. Чем больше он думал о произошедшем событии, тем больше непонятного возникало в голове. Не найдя объяснения своим размышлениям, он закончил с завтраком и собравшись, пошел дальше. Примерно, через час, Николай вышел к заболоченной местности, на первый взгляд, ее можно было пройти. Но, на первый взгляд все выглядит обманчиво. Прямо перед ним расстилался участок чистой воды, там, по-видимому, было глубоко, поскольку из воды торчали самые кончики, головок камыша.

Николай нашел крепкий шест и попробовал пройти болото слева, ближе к озеру. В том месте лежало много поваленных деревьев, и он рассчитывал, по ним, перебраться через препятствие. Это оказалось невозможно. Он сорвался с мокрого ствола дерева и свалился в воду, при этом, чуть не сломав ногу, попавшую в воде между сучками. Выбравшись в исходную точку и отдышавшись, он, начал обходить болото справа. Двигаясь дальше, Николай понял, что болото закругляется в ту сторону, откуда он пришел. Получалось, что, таким образом, он возвращается в деревню.

4

Николай остановился и оперевшись на шест, размышлял, что делать дальше. Если продолжать идти вдоль болота, также как шел, то вероятнее всего выйдет он, к своей деревне. Если же повернуть обратно и двигаться вдоль озера, то так, выйдет к дороге, которая уходя влево, приведет его опять к своей деревне. Если же повернуть на дороге направо, то, теоретически, можно добраться до Кочнево.

Николай решил, что пора подкрепиться и отдохнуть. Перспектива бесцельного блуждания по лесу, его не прельщала. Одежда на нем, после купания в болоте уже слегка подсохла и, решив не тратить на нее время, он просто поел холодного, вяленого мяса и запил его водой. От прошлой бессонной ночи и сегодняшней ходьбы, он очень устал, организм требовал сна, но постоянно помня о ночном ужасе, Николай не позволял себе расслабиться. Вынув карту и компас, он попытался понять, где находится, но, определить свое местоположение не смог, получалось то, чего он боялся. Он заблудился.

Поначалу, им овладела паника, однако, здраво рассудив, Николай понял, что, судя по всему, далеко, от своей деревни он не ушел. Но, если идти, в прямом направлении, то до деревни, примерно, часов шесть пути. Конечно, он не выйдет напрямую к деревне, но, во всяком случае, деревня будет в пределах видимости. Но, это в теории, как показала практика, всякое может случиться. Вынув из рюкзака, запасные патроны и уложив их в пустые гнезда в патронташе, он почистил ружье и, собравшись, пошел в обратный путь.

Солнце уже перевалило за вторую половину дня. Здесь, лес был не так захламлен, под ногами, ласково шуршала трава, лес наполняли разнообразные звуки, трели птиц, голоса животных, жужжание насекомых. Полная идиллия.

Николай шел не торопясь, теперь, уже пуганый, он, осторожно шагая, постоянно вслушивался и вглядывался, ему казалось, что такие чудовища, могут подстерегать его за каждым кустом. Шел он до тех пор, пока солнце не начало клониться к закату, пора было, подумать о ночлеге. Костра, он решил не разводить, чтобы не привлечь, что-нибудь этакое, а от обычных зверей, он сможет отбиться. Страх, крепко засел внутри него и, думая о чем-нибудь другом, он невольно возвращался к той встрече.

Николай, решил найти груду валежника и заночевать в нем, во всяком случае, его никто не увидит, то, что там, могут быть змеи, он в тот момент не думал. Он продрался сквозь высокий малинник и вышел на поляну. На поляне стоял бревенчатый домик.

Это даже, был не домик, а скорее избушка. Она была небольшая в одно окно. Стены, высотой метра два, крыша двускатная, низкая, покрыта корьем. Избушка, обнесена, заборчиком из сучьев деревьев, они были разной высоты и диаметра. Выглядело с одной стороны забавно, с другой напоминало сказку о Бабе-Яге. Что характерно, жилье не выглядело заброшенным, бревна были добротные, как

будто, недавно срубленные. Николай, явственно слышал кудахтанье кур. Из железной трубы на крыше, струился дымок. Значит здесь, жили люди. Дверь в домик, была открыта, словно приглашая войти.

Николай не побежал к домику сломя голову, стоя за кустом малины, он оглядывал домик, надеясь увидеть хозяев. Прошло минут двадцать, никаких признаков присутствия хозяев не было видно. Вдруг, он увидел, выходящую из леса на поляну, лису. Понюхав воздух, она начала крадучись приближаться к дому. Николай наблюдал за лисой и ждал, что будет дальше. Лиса подкралась к заборчику, опять понюхала воздух и перепрыгнула за забор. И тут случилось неожиданное…

Глава 9

1

Вокруг домика, возник, сияющий голубым и оранжевым светом, купол. Он накрыл собою дом и все вокруг него, по границу забора. Вместе с куполом, появился низкой частоты звук, почти гул. У Николая заложило уши, и от этого гула у него появилась тошнота. Он присел, закрыв уши ладонями и продолжая наблюдать за происходившим ужасом на поляне. Звук начал переходить на более высокую частоту. Одновременно с этим, внутри купола, дом задрожал, из него раздался человеческий крик, полный боли и ужаса, вслед за этим, произошла вспышка нестерпимого света и резкий, громкий хлопок. Дом исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/li_aleksandr/reka-vremeni

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить